

Вениамин СЛЕПКОВ

г. Петрозаводск

Проходи, садись поудобнее. Этот стул шатается, смотри чтоб не упасть... Поставь лучше другой, тот, со сломанной спинкой, он надежнее. Насыпай себе кофе, я подогрею чайник. Только говори чуть потише, я опять не один. Сейчас закрою дверь плотнее... Ну кто там может быть?! Нет, не розовая пантера, там Наташка. Ну да, а почему бы нет? Наташка отсыпается после бурной ночи, проведенной частью в кабаке, а частью под забором. Это такое фигуральное выражение, я нашел ее утром на площади Кирова спящей на скамейке. Прямо в центре города. Докатилась.

Вот сахар, подставляй кружку, только салфетку под нее положи, потому что носик кривой и кипяток разбрызгивается.

Утром я поднял себя на борьбу с весом, отправившись мерить шагами улицы. Весеннее утро было сырým. Наши весны и осени походят друг на друга, как сестры-близняшки. Туман творожной массой висел над площадью. Он был таким плотным, насыщенным влагой, всей тяжестью ложился на плечи. Приятной тяжестью ватного одеяла, под которое нырнешь, ложаешься в постель. Наверное, я потихоньку привыкаю к этой влаге, если могу испытывать удовольствие от нее. Гулял не спеша, прошелся по набережной, а потом хотел выйти на Маркса, но не пошел, поскольку на остановке увидел на скамейке тело в знакомом белом с черными полосками пальто, из-под которого торчали с одной стороны рыжие сапоги, а с другой – рыжие волосы. Показалось, это Наташка, и я не ошибся.

Подошел к скамейке и долго вглядывался, стараясь понять, дышит она или нет. Если бы не дышала, я спокойно отправился бы домой, ну, может, и не спокойно, но зачем мне неприятности с трупами? Но она пошевелилась, засопела и даже немножко застонала. В этом стоне не боль была, а безнадега. Случается, музыка, книга или картина говорят об одном и том же, оставляют одинаковое впечатление. Тут нет лобового воздействия, но понимаешь, что

вербальный способ общения имеет недостатки, и мы пользуемся им за неимением лучшего. Можно послушать инструментальную пьесу, увидеть картину и понять, что авторы говорят об одном. Во всяком случае, твое восприятие их произведений, чувства, испытанные тобой, могут оказаться тождественны. Бывает, эти чувства вспомнишь, читая какую-нибудь повесть, те же мысли прочтешь, на которые навели тебя музыка или картина.

Так и Наташкин стон заставил меня вспомнить выражение Наташкиного лица, когда ее планы не осуществляются. Она что-то придумывает, радуется про себя, что, мол, хорошо придумала, теперь-то все сложится. Она придумывает целые диалоги, не говоря уже о реакциях. Я скажу вот так, и посмотрю вот эдак, и еще так склоню голову. Тогда он меня пожалеет, вспомнит все хорошее, бывшее между нами, представит, что еще может быть, и скажет то-то и то-то. А я тогда ему отвечу вот таким взглядом, а он мне улыбнется...

У Наташки ничего не выходит, поскольку изначально план оказывается дурацким. Например, она встретит человека, разговор с которым продумала, и даже откроет рот, чтобы начать говорить, а человек и слушать не станет. Может, скажет: иди на...! И все. Тогда у Наташки появляется выражение на лице, в котором смешаны обида, разочарование, непонимание причин, по которым жизнь ее бьет, усталость, переживания от срыва замечательного плана и необходимости придумывать новый. Так продолжается много раз. Вот столько всего есть у нее на лице в такие моменты. Когда я услышал ее стон, то представил это самое выражение лица, хотя и не видел его, прикрытое воротником пальто.

Я не знал, что делать, долго топтался возле, в конце концов присел на скамейку так, чтоб не задеть ее ноги, стал курить. Время от времени из-под воротника слышались всхлипы, икание, Наташка зябко поджимала коленки к животу. Я тоже ежился, ожидая, когда она проснется, или, может, в надежде, что решение придет само. Чего я не хотел делать, так это переть это тело на плечах к себе домой. Иногда ветер доносил ее дыхание, и я представлял, сколько же всякой дряни она ночью намешала у себя в желудке. В этих посланиях ветра-почтальона я чувствовал оттенки водки, портвейна, рвоты.

Наверное, ночью ей пришлось нелегко. Может быть, она сначала веселилась, потом была развязна с теми, кто ее окружал. Может, вешалась на шеи мужчин, терлась своими грудями, оттопыривала толстоватую попку, воображая, что демонстрирует гибкое тело, превращающее любого затюканного культурой и образованием скромника в могучего самца.

Потом она всем надоела. Ей это объяснили, и, будучи пьяной, она не затолкала обиду в оттопыриваемое место, а психанула и ушла. Скорее всего, перед тем как уйти, она вообразила, что, увидев ее спину, мачо одумается, раскается, осознает риск потери счастья всей жизни и кинется за ней:

— Наташенька, солнце мое, вернись, пожалуйста! Прости меня за все, я понял теперь, что лучше тебя на свете нет! Только ты мне нужна, без тебя моя жизнь будет безвидна и пуста, лишь камень и песок наполнят душу, как было до появления человека на суровой земле. Остановись, любовь моя, позволь я встану перед тобой на колени, позволь облизать твои сапожки, по какой бы грязи они ни ступали, ибо любую грязь ты своим ангельским прикосновением и даже лишь божественным взглядом превращаешь в золото и сладкую вату! Позволь прикоснуться к тебе, служить тебе до конца дней моих!

И божественная Наташа, не вытирая слез, текущих из растроганной души, встанет на колени рядом с мачо, проникнувшись его искренностью, обнимет его и скажет, что всегда будет рядом, что жаждала этих слов, как жаждут истины, и именно с испытывающим такие глубокие чувства мужчиной мечтала провести всю свою жизнь. Обнявшись, пойдут они вместе навстречу радостям и невзгодам и будут их переносить, не сводя друг с друга любящих глаз.

Такой план придумала Наташка и повернулась, чтобы начать уходить. Она была пьяна и при повороте сильно качнулась, задела маленьким бедром угол стола. Мало того что на бедре образовался огромный синяк, напоминающий цветом сразу все фиалки, торчавшие из горшочка в доме, покинутом ею, а формой походивший на карту какого-то материка. Мало синяка. Мужики, сидевшие с ней за столиком в баре, выругались грязно и недвусмысленно, стало понятно, что, задев своим бедром столик, она разлила их водку. А за эту живительную влагу ей

могли бы и морду разбить, но ограничились только болезненным пинком в задницу.

След от этого пинка я увидел на ее джинсах, когда она повернулась, во сне натянув пальтишко повыше. Джинсы были грязными, будто она сидела невесть на каких гнилых бревнах, но и сквозь грязь пробивался след подошвы. Пинок вместо праздника, какое горькое разочарование! Пинок, завершивший приятно начинавшийся вечер. В кафе, где с потолка свисают разноцветные лампочки, на стенах нарисованы яркие кружки и волнистые линии, где звучит приглушенная музыка, на стойке выставлены бутылки с яркими наклейками, где пенится шампанское, а пирожные манят нежным кремом, где все пронизано праздничным настроением и хочется встречать Новый год в любое время года, где в наступившие хмурые дни все контрастирует с серой уличной хмарью. Обидно получить пинок именно в этом кафе, именно в такой хороший вечер.

Наташке вновь пришлось пережить крушение замечательного, подробно продуманного плана. Настолько подробно, что она даже чувствовала своей ладонью жесткие щетинки на щеках и подбородке мачо, который на коленях признавался ей в неземной любви, умоляя остаться. Настолько подробно, что в ушах ее звучали интонации мужественного голоса того самого самца, который теперь грязно выругался. Чья нога врезалась в ее зад, она не знала. Но теперь, когда план рухнул, когда обида на весь свет черной тучей пропитывала ее тело и душу, Наташка была уверена, что и нога тоже принадлежала мужчине, который мог бы, но не стал ее верным рыцарем.

Качаясь, Наташка шла к выходу и видела перед собой злобное циничное мужское лицо, будто глаза у нее были не на лице, а на затылке. А дорогу к выходу она не видела, а ощущала каким-то иным, неосознаваемым чувством, ориентируясь, как крыса в темноте.

Потом Наташка купила водки, а может, пива в магазинчике неподалеку, потом в парке она пила эту водку. С ней был какой-то потертый тип, которому тоже хотелось выпить. Наташка сначала отворачивалась от типа, старалась уйти, прижимая к себе бутылку, но потом позволила ему себя утешить, поскольку в его движениях, когда он брал бутылку, подносил ее к губам, жадно прикивал к горлышку, были ласковость и доброта и,

конечно, он бы хотел направить эту доброту на Наташку, но стеснялся и потому гладил бутылку, а не девушку. Потом, когда половина водки была выпита, мужчина увидел, как красив этот ангел, напитавший живительной влагой его иссохшую глотку. Он стал любоваться ангелом, сначала несмело, а потом все более настойчиво запуская руки за пазуху пальтишка.

Наташка придумала новый план, включавший в себя историю алкоголика, который дошел до ручки, не видел смысла в жизни, пока не встретила она, наполнившая смыслом существование. Представила, как они, взявшись за руки, гуляют по осеннему парку — трезвые и счастливые. Вообразила его благодарные глаза. Эти глаза говорили гораздо больше, чем можно сказать словами. Потом, остановившись на тропинке, с нежностью смотрела, как ее муж катит коляску, где мирно посапывает своим носишкой их любимый малыш, и муж оборачивается, машет ей рукой, и она машет ему в ответ.

И этот Наташкин план потерпел крушение, как и все планы до того. Водка была выпита, тот, с кем она только что гуляла по парку в своих мечтаниях, покинул ее. Спасибо, что не изнасиловал, не ограбил, не убил.

Потом Наташке было грустно. Она сидела на берегу реки, пока река, и берега, и парк не слились в темно-серую влажную массу. Тогда она захотела спать и, наверное, решила поехать на вокзал, но троллейбуса долго не было и она заснула на скамейке.

Я сидел и курил, и ждал чего-нибудь. Опять заморосило, из туч, которые не открывают небо над нашим городом уже года два или три, вновь полетели почти незаметные капли, казалось, просто влажное дыхание неба коснулось асфальта, дождь шел, было сыро, асфальт серел, но самого дождя не было видно. Не знаю, что там происходит с глобальным потеплением на планете, но в нашей Арельской области все эти перемены сказываются глобальным увлажнением. Должно быть, надо ожидать, что вскоре в уличных ручьях заведутся какие-нибудь холодоустойчивые змеи, прочие пресмыкающиеся и рептилии, всякая дрянь, плодящаяся в сырости. Влагой пропитан воздух, стены домов. Особенно это видно здесь, на площади, где окружающие дома покрыты штукатуркой и покрашены. Их только покрасили, а куски штукатурки уже

осыпаются со стен, тают в лужах. Кажется, ткии в стену, и под пальцем образуется вмятина, как в глине, вмятина начнет заполняться водой, вскоре из нее потечет ручеек, вливаясь в лужи, в потоки по обочинам дорог. Эту влагу я впитываю сам, потому толстею, ты это видишь, и никакие длительные прогулки по городским улицам не способствуют сбрасыванию веса. Влага пробирает до костей, из-за нее я кашляю и чихаю, из-за нее слезятся и краснеют глаза. Очень хочется солнца и сухости, но вокруг только влага. Поэтому под конец нашего общения я так не любил Наташкины влажные поцелуи, которыми она засасывала меня в болота, где я не мог дышать, боясь захлебнуться.

Я курил, чтобы дым хоть немного просушил мои внутренности. Сам себе я напоминал короля на широком троне. Скамейка была моим треном, две урны по сторонам скамейки — вроде подлокотников. Я давно заметил, что в серый вечер, смотря на эту скамейку с другой стороны дороги, урны можно принять за подлокотники. А рядом, касаясь кудрями моей королевской ноги, лежала нагая наложница... Наташка, укутывавшаяся в свое пальто, купленное так недавно.

На тополь у скамейки спланировала ворона, огляделась и громко каркнула. Наташка вздрогнула во сне.

— Ворона-ворона, сколько мне жить? — спросил я, но ворона, давая понять, что не отвечает на глупые вопросы, промолчала и стала деловито выклеивать что-то у себя под крылом.

Наташка повернулась, пальто сползло с лица, и я увидел не только потекшую тушь, не только губы с размазанной помадой, я понял, что не ошибся, представив выражение ее лица по стону. Мне стало жалко девчонку, такая беззащитная, трогательная, обиженная она была, что я с трудом подавил в себе желание немедленно ее разбудить. Я расскажу тебе, когда впервые увидел эту обиду и безысходность на ее лице. Тогда мы еще не были с ней знакомы.

Однажды я сел в маршрутку, заставив подвигнуться ближе к водителю девушку в невзрачной, затасканной зеленой курткой. Девушка подвинулась охотно и энергично, не так, как двигаются обычно те, кто в одиночку сидит на переднем сиденье маршрутки. Обычно они не скрывают недовольного взгляда и нарочито медлят, будто надеются, что претендент на соседство раздумает

и сядет в салон. А здесь она подвинулась, не придавая значения тому, что ее право на удобство оказывается ущемлено. Она говорила, прижав мобильник к уху, и чувствовала себя абсолютно свободно, не старалась приглушить голос. Разговор был прекрасно слышен не только мне, сидевшему рядом, но и всем пассажирам.

— Витя? Привет! Да, это я. Я — Наташа. Витя, я могу сейчас приехать к тебе и провести ночь у тебя. Да. Ты рад? Что? Почему? А, работаешь сегодня в ночь... Жаль. Ну, ладно...

Вот тогда впервые я увидел на ее лице это выражение. Она бессильно опустила руки, запрокинула голову и пару минут сидела в оцепенении. А потом повторила попытку:

— Сережа? Сережа, привет! Да, это я, Наташа. Сережа, я могу сегодня переночевать у тебя. Ты рад? Что? Жена? А-а... Значит, не получится? Ну, ладно...

Мне было бы смешно, если б не было так жаль эту наивную дурочку. Я хотел предложить ей переночевать у себя, но постеснялся. Если она так громко набивалась на ночевку к парням, то так же громко могла отказать мне, а я, в отличие от нее, не считаю наш город мегаполисом, где никому ни до кого нет дела. Мне не надо, чтоб потом за спиной шушукались, мол, хотел старый пень девочку на халяву получить, да она его отбрила. Ты скажешь, что я боялся не стремной известности, а отказа, что я просто берег свое болезненное мужское самолюбие, но будешь не прав. Ведь, в конце концов, я предложил ей ночлег, только это было позже, когда судьба поднесла мне ее в подарок. А тогда я вышел из маршрутки здесь, на площади, и хотел отправиться домой, но этот девичий разговор по мобильнику выбил меня из колеи. Я остро ощутил свое одиночество и решил пройтись, развеяться.

Вечер благоприятствовал прогулке, и я добрел до вокзала, где решил выпить чашку чая. Мне нравятся вокзальные буфеты, как и столовки-стекляшки, которых почти не осталось в городе. Буфеты на вокзале и эти столовки дольше всех сопротивляются наступающему, нагло прущему гламуру. Давно вместо прежних привычных ресторанов открылись дорогие претенциозные кафе, а эти столовки-буфеты напоминают мне детство и юность. Заходишь, и возникает такое ощущение, будто не было этих безумных двадцати лет, будто еще юн, и жизнь впереди, и она су-

лит только хорошее, и ты уверен в своем будущем и в будущем страны...

С тех пор, как в нашем городе закрылись маленькие народные пивные точки, где можно было взять сто грамм с прицепом, их посетители переместились на вокзал. Не в гламурные же кафе им перемещаться! Поэтому лица за столиками все больше знакомые в этот час, не раз виденные на центральных улицах. Это своего рода клуб, со многими людьми здороваешься, не зная их имен, только потому, что сорок с лишним лет мы ходим одними дорогами. Незнакомые лица принадлежат, как правило, народу из районов нашей области, приехавшему в столичный город людей посмотреть и себя показать. Представь мое удивление, когда за одним из столиков я увидел свою знакомку, искавшую ночлег! Она дула на горячий чай в пластиковом стаканчике и грустила. Конечно, я сел рядом. Не совсем рядом, а так, через один стул. Чтобы не напугать, но иметь возможность выбрать момент и завязать разговор. Захотелось взять стошку для храбрости, но я решил, что трезвый разум мне поможет скорее.

В кафе, как ни странно, было не очень шумно. Причину этой тишины я вскоре понял — время от времени два милиционера проходили вдоль стойки, зорко вглядываясь в лица посетителей. Они шли гордо, защищенные формой и дубинками, осознавая высокий долг по охране общественного порядка, лежащий на их широких от погон плечах. Эта парочка патрулировала зал ожидания, перрон и кафе не забывала. Посетителям не хотелось проводить ночь в обезьяннике, поэтому все старались вести себя в рамках приличий. Пошумнее других была компания парней в углу, увлеченно тянувшая пиво, но они были достаточно далеко от нашего столика и не мешали. Напротив сидел парень лет тридцати с лицом бульдозериста. Он сосредоточенно жевал сосиску в тесте, запивая ее кофе. От этого занятия его вскоре оторвала веснушчатая, дурно крашенная блондинка в разорванной курточке и потертых джинсах. Она подошла к парню, присела рядом и завела разговор, который был хорошо слышен мне, хотя я и старался делать вид, что совершенно им не интересуюсь.

— Привет! — сказала блондинка и замолчала, выжидающе глядя на парня. Ей необходимо было завязать диалог и требовалась его ответная реплика.

Парень взглянул на нее искоса и буркнул:

— Првт!

— Как поживаешь?

— Нормлн.

— Что-то лицо мне твое знакомо! — радостно, с подъемом в голосе, сообщила блондинка.

Я видел, что к их разговору стала прислушиваться и Наташка, имя которой я запомнил, слушая ее телефонные переговоры.

Парень пожал плечами, давая понять, что ему имя веснушчатой незнакомо и он понятия не имеет, откуда та его знает.

— А ты в Лахденпохье бывал? — продолжала блондинка.

Парень мотнул головой.

— А в Питкяранте?

Парень кивнул утвердительно.

— Ну вот! — обрадовалась блондинка. — Ты Ваську Гроба знаешь? А Серегу Длинного? Нет? А кого знаешь? Я так всех там знаю.

Парень пробурчал что-то невнятное, но это не отпугнуло девушку.

— А ты сейчас куда едешь? Ты местный или нет?

— Местный.

Блондинка воодушевилась:

— Здорово! Я тоже сегодня здесь ночую!

Ее поведение изменилось, в глазах появился романтический туман, в голосе мурлыкающие нотки, а в движениях кошачья грация.

— А ты красивый, — проникновенно заявила блондинка. Парень засопел, вгрызаясь в сосиску в тесте. Он собрал глаза в кучу и смотрел исключительно в свой кофе, стоявший на столе.

— А хочешь, я с тобой проведу ночь? — интригуяще продолжала блондинка.

— Чего это? — выдавил парень.

— А ты мне понравился! — заявила девушка и, понизив тон, сообщила: — Я тебя хочу!

Парень не реагировал, блондинка потянулась к нему всем телом, попыталась положить свою ладонь на его локоть, но парень, одним глотком допивший кофе, резко встал и, бросив: «Пошла на...!», зашагал к выходу.

Похоже, девушка не огорчилась. Она посидела на стуле, поднялась и отправилась искать новый «объект желаний». Мне тогда показалось, что они очень похожи с Наташкой. Обе пытаются решить одну и ту же проблему.

Знаешь, я так четко представляю сейчас ту блондинку. Мне захотелось пригласить ее к себе,

и я иногда ругаю себя за то, что не сделал этого. Но я боялся. Может быть, все повернулось бы по-другому, если бы она подошла ко мне, а не к соседу. Но она, окинув нас взглядом, выбрала его. И я понимаю, почему. Ее отпугнул мой солидный вид, костюм и галстук. А парень был одет в черную куртку, каких на рынке тысячи, черную спортивную шапочку. В общем, она решила, что он ей социально ближе.

Нет, я все равно не пригласил бы ее к себе. По двум причинам. Первая: мужчина должен чувствовать себя охотником. Женщины часто неправильно понимают эту особенность мужской психологии. Они стараются сделать так, чтобы мужчина, добиваясь ее, наобещал с три короба, взял на себя абсолютно невыполнимые обязательства, поклялся носить ее на руках до скончания века... Причем сами женщины предусмотрительно не обещают ничего. Такая тактика будто выписывает им индульгенцию, ведет к тому, что глупый мужчина всегда и во всем будет виноват. Это же он ее хотел, добивался, обещал. Она остается свободной в своих обязательствах, образе жизни. Она ничего не должна мужчине, а мужчина должен ей все. Когда мужчина, устав от требований, оставляет ее, у нее есть формальное право заявлять, что мужики — сволочи, обещают и не делают.

И в то же время элемент охоты должен быть. Брать женщину, которая просто так пришла к тебе и легла, — неинтересно. Нет приятного возбуждения, нет ощущения, что ты, приложив усилие, умение, талант, добыл трофей. Но вообще-то, я не поверю, что есть женщины, которые приходят и ложатся. Наверняка им что-то надо от тебя, что-то, с чем ты не захочешь расставаться. Вот эта крашенная блондинка чего хотела? Потрахать? Найти ночлег? Сыпануть клофелину и обнести квартиру? Не понравились мне ее знакомые — Васька Гроб и Серега Длинный. Не та компания, с которой мне хотелось бы знакомиться. И это вторая причина, почему я ее не позвал. Хотя она гораздо красивее Наташки. Что-то было в ее глазах, жестах манящее, возбуждающее. Стервозное, в хорошем смысле этого слова, если у него есть хороший смысл. В общем, женщина в ней ощущалась. Не то что Наташка с ее простым деревенским лицом, на котором любая мысль, посетившая голову, на лбу написана крупными буква-

ми. Мене такел фарес! Но я охотился на Наташку. Воин-бушмен, сидящий в засаде. Настало время пускать стрелу.

Наташка сама подставилась, представляя удобную мишень. Она заплакала. Тихо так начала выдавливать слезы из глаз. Что оставалось мне как джентльмену сделать?

— Отчего вы плачете? Я могу вам помочь?

Она помотала головой, но ответила:

— Жалко девушку.

— Да? По-моему, ей вполне логично отказали. Какой же мужчина пустит к себе в дом незнакомую девушку, которая вполне откровенно предлагает себя?

Наташка заинтересовалась разговором.

— А почему не пустит?

— Потому что он ее не знает. Вдруг это преступница, которая его оберет и отравит?

— А вдруг это просто бедная девушка, которой негде ночевать?

Умиляет женская логика. Моя выросшая ныне дочка, когда еще была маленькой, постоянно спорила со мной. Я говорил ей: «Не ходи по поребрику! Вдруг упадешь?» А она отвечала: «А вдруг нет?» и продолжала идти. Никакие логические объяснения не помогали. Правда, падения случались редко.

— Может быть, ей действительно негде ночевать, — рассудительно сказал я. — Но искать ночлег нужно иначе.

— Как? — в этом вопросе не было заинтересованности. Скорее, он выражал уверенность в том, что сделать ничего нельзя.

Но я-то знал, что Наташа сама нуждается в ночлеге. И у меня было что предложить. Могу сразу сказать, мол, пойдём ко мне, но не хотелось давать ей козырь раньше времени. Если бы я ее позвал, то она впоследствии могла бы говорить, что это не ее инициатива, что она вообще не собиралась ко мне. А если бы у нее достало хитрости поломаться, прежде чем принять приглашение, тогда я был бы в очень невыгодной позиции. Сам пригласил, значит, сам и терпеть должен ее присутствие, даже если она надоест хуже горькой редьки. Дурацкое выражение, никакой горькой редьки в жизни не ел. Короче, я хотел, чтобы она сама напросилась на ночлег. И я мог бы проявить доброту, великодушие. Тогда козыри в игре выстраивания взаимоотношений были бы на моих руках.

— Думаю, можно было бы просто честно сказать, что попала в трудную ситуацию, нет денег на гостиницу, нужно, мол, где-то провести ночь.

Это я полную ерунду сказал. Потому что, подойди ко мне та веснушчатая блондинка с такими словами, я бы ее послал. Но это была стрела, направленная в Наташу. И она достигла цели! Бушмен, сидевший в засаде, сделал верный выстрел.

— Я попала в трудную ситуацию, нет денег на гостиницу, и мне тоже нужно где-то переночевать, — глядя мне в подбородок, сказала Наташа.

— Правда? — спросил я. — Вы не шутите, чтобы меня проверить?

— Правда, — устало ответила Наташа. — Я надеялась остановиться у своих знакомых, но их нет дома, они уехали. Домой возвращаться не могу, надо где-то найти ночлег. А можно мне остановиться у вас? Я честно вас не ограблю и не убью. Честно-честно!

Последняя добавка была лишней. Она подчеркивала детскость Наташки, ее неискушенность. Собственно, я не расстроился, ожидая именно такого эффекта.

— Хорошо, — сказал я. — Я вам верю. Пойдемте.

— Я тоже вам верю, — сказала Наташа. — А ваша семья не будет против?

Стал бы я звать девчонку-замухрышку, будь у меня семья!

— Не будет, я живу один.

Я опасался, что она начнет ломаться, спрашивать, есть ли у меня раскладушка, и делать вид оскорбленной невинности. Но нет. Она, похоже, вполне понимала, на какого рода отношения я претендовал.

— Смотри, мужик телку снял! — сказал кто-то из компании гогочущих парней, расположившейся в углу буфета.

— Да эта страшная сама с ним пошла! — ответили ему.

Я сделал вид, что не слышал хамского диалога. Не связываться же с молодыми балбесами, у которых чешутся кулаки, а мозгов еще мало. Наташка, шедшая впереди, наверное, тоже ничего не слышала.

На выходе из буфета она сказала:

— Только мне надо сумку взять из камеры хранения. Вы можете нести? Мне одной не дотащить.

Сумка была увесистой, пока дошли до оста-

новки, острым краем она отбила мне голень. Чистотой сумка тоже не отличалась, войдя в троллейбус, я увидел, что брюки придется оттирать щеткой, и хорошо, если грязное пятно отойдет сразу.

Наташка послушно шла за мной. Не понимаю эти юные создания. Почему она не опасалась за свою жизнь? А может, я маньяк? Может, я ее убью и съем? Может, я сделаю ее своей пленницей, буду издеваться и заморю голодом? Я вскоре узнал, что у нее была нелегкая жизнь, но этот опыт не остановил девушку, когда она отправилась в чужое логово. В нору. В сарай. Или действительно, возраст и солидный внешний вид заставили ее поверить, что маньяки такими не бывают. Но ведь ужасиков за последние двадцать лет мы насмотрелись достаточно и знаем, что подонком и нелюдем оказывается тот, на кого меньше всего можно подумать. Позже, когда прошли дни, я задал ей вопрос, почему она не боялась. Она ответила как-то неубедительно. Сказала, что не думала об этом, а представляла совсем другое. Еще позже я догадался, что в ее голове был тогда один из многочисленных «хорошо продуманных» планов по превращению ее в столичную жительницу, а меня в верного спутника жизни. Она рисовала в своем воображении нереальные картины и сама в них верила.

Но в тот раз она не ошиблась, как минимум, начало плана воплощалось в жизнь. Мы благополучно добрались до квартиры. Пока она шумно принимала душ, я готовил горячие бутерброды с сыром, жарил глазунью, заваривал чай. Мне казалось, что сквозь шум неровно льющейся воды я слышу отфыркивание, какие-то напевы. Может, шаманские? Может, она начала околдовывать меня звуком, распевая заклинания, привораживать, приклеивать к себе? Бред. Не бред. Не знаю.

Когда Наташка расплющила свою попу на стуле, я подал бутерброды и яичницу и почувствовал себя очень неудобно. Свет тусклой лампочки, засиженной мухами, не разгонял полумрак. Правда, в полумраке не видно было, как нуждаются окна в тряпке и воде, как давно не обновлялась краска на стенах, как поседел от пыли потолок. Но во всем этом упадке я жил вполне комфортно, это был мой мир, а теперь в этот мир вторглось чужое существо, молодое, сильное, с распаренной плотью, жизнеутверждающе выпирав-

шей из синтетической блестящей блузки цвета консервной банки.

Я привык к одиночеству. Уверен, что другой, просидев столько лет один, давно бы спился или повесился, а может, подход с тоски. Но у меня хватает самодисциплины и разума не сделать ни того, ни другого, ни третьего. Когда дочка уехала учиться и перестала навещать меня почти каждый день, первое время было тяжело. Сейчас я сравнил бы себя с тем монахом, о котором говорил Авва Дорофей. Один богатый человек, принадлежавший к элите некоего общества, удалился в монастырь, и его поставили привратником. Сначала он тяжело переживал послушание, нервничал, ждал, когда получит более почетную работу. Он считал годы, ему становилось все хуже, но, наконец, он сумел смириться. И когда ему предложили более важную миссию, он попросил настоятеля оставить его на своем месте — при вратах. Не хочу сказать, что я совершенно один. Иногда здесь бывают женщины, но они скоро надоедают. Просто так сложились последние месяцы, что давно никого не было для приятного времяпрепровождения. Мне показалось, что Наташа тоже очень скоро надоест, если паче чаяния задержится.

Я помню, как ты сравнивал меня с джинном из бутылки. Который, будучи заточенным более сильным волшебником, первую сотню лет обещал одарить того, кто его выпустит, всем, что имеет, вторую сотню лет — всем, что не имеет, поскольку готов был отобрать это у других. А когда пошла третья сотня лет, он решил, что убьет того, кто его выпустит. Мне сравнение с монахом кажется более правильным. Я не хотел убивать Наташку, но не знал, захочу ли, чтоб она была со мной.

Она неспешно отхлебывала чай, поела бутерброды и молчала. Пар из кружки, казалось, смешивался с паром горячего тела. Надо же такой водой мыться! Я б, наверное, сварился, как несчастный царь из сказки.

Потихоньку я ее разговорил. Представляешь, ей всего двадцать лет. Более двух раз ее возраст уместится в моем. Наверное, эта девочка — подарок судьбы, но почему-то из тех подарков, что не радуют.

Ташить в постель девушку, не зная хорошенько, как ее зовут, казалось мне неправильным. Вообще-то, мы даже познакомимся не успели,

ведь Наташа не обращала на меня внимания тогда в маршрутке. Она переживала крушение планов, а тот, кто был поблизости, ее не интересовал. Любопытно, мы, наверное, миллионы раз проходим в своей жизни мимо открытых дверей, где нас ждут. Если она готова была за ночь отдать любому знакомому, то могла с той же просьбой обратиться и ко мне, с которым не нужно было связываться по телефону. Я сидел рядом и своим локтем ощущал складки ее плечоватого бока. Всего-то нужно было повернуть голову и задать простой вопрос, но она не знала, что может это сделать, и не задала. А что, если мы постоянно проходим мимо исполнения наших планов, наших желаний? Нужно лишь озвучить желание, и оно вмиг исполнится, но знать бы, где и когда его озвучивать. Обидно.

— Ну, рассказывай! Как тебя зовут? Откуда ты и надолго ли прибыла в наш славный город? С кем вы, гостья, торг ведете и куда теперь плывете?

— Расскажу я вам в ответ, что объехала весь свет! — неожиданно поддержала шутку она и сама первой засмеялась, уловив мой одобрительный взгляд.

Наташка родилась в довольно крупном поселке в одном из южных районов нашего северного края. Я помнил этот поселок еще по студенческим временам, когда ездил туда на картошку. Точнее, на турнепс. Мы не перерабатывали, все больше дужа вино да водку и устраивая дискотеки. Иногда дрались с местными, но чаще пили с ними и играли в «козла». Однако в те времена это был вполне успешный поселок, за которым тянулись огромные поля сельскохозяйственных культур. Поселок не выглядел гостеприимным осенью, грязные дороги, довольно бедненький магазин, в котором хоть не было еды, но бывали иногда книги, которые в городе доставались с большим трудом. Бесстыдно голые деревья, однообразные гряды турнепса, жестокий бодун туманными утрами, невкусные щи из тушенки на обед. Иногда совхозное руководство проявляло щедрость и приказывало забить для нас какую-нибудь старую корову. Тогда в щах было свежее, но жесткое мясо.

Небритые мужики в брюках, заправленных в сапоги, тетки в потертых халатах, сопливая ребятня. Молодежь нашего возраста к этому времени разъезжалась из поселка на учебу, а те, кто не уезжал, предпочитая неученую жизнь, работа-

ли или пили, редко наведываясь к нам сыграть в карты или устроить драку.

Наташка плохо помнила отца, совхозного водителя, но одно воспоминание было очень ярким. Ей было три года, когда папа в очередной раз явился домой пьяным и принялся играть с визжащей дочкой. Подкинул ее под потолок, но не смог поймать, свалившись сам. Несмотря на нежный возраст, Наташка испугалась. Правда, все обошлось, она приземлилась на отца, который уже храпел. Отец злобно смахнул ее с себя, стал подниматься. Орущая Наташка уползла и спряталась под диван, откуда ее доставали и мама, и дед с бабкой. С тех пор она стала бояться отца и высоты.

Отца скоро не стало. Однажды он напился, сел за руль совхозной машины и стал выделывать кренделя на разбитой дороге. В это время на дороге появился сельский участковый, который отнял права, отогнал машину к себе во двор, а пьяницу отправил спать. Но отец не лег отсыпаться, а взял дома ружье и пришел ночью к участковому... Тому нужно было защитить себя и семью, и, когда Наташкин отец стал палить в окна, а дети участкового с плачем попрятались по углам, милиционер выстрелил в дебошира. Да так неловко, что уложил его насмерть.

Мать долго не горевала. Нищему собраться — только подпоясаться. Уложив чемодан, укатила в райцентр искать счастья. На прощанье пообещала забрать Наташку к себе, как только устроится, да устройство затянулось. Сначала она появлялась в поселке, и появление ее было праздником. От мамы пахло духами и вином, она привозила подарки дочке, то шоколадку, то игрушку, но никто, кроме Наташки, не радовался ее появлению. Бабка и дед горестно вздыхали, а иногда, когда мать была особенно пьяна и не стеснялась в таком виде гулять по поселку, крыли ее матом. Матери вскоре надоело приезжать к родителям, которые, как ей казалось, ничего в жизни не понимали. Она все реже виделась с Наташкой, а потом и найти ее становилось все труднее. В райцентре у нее менялись квартиры и друзья.

Она жива и сейчас, но, когда Наташка заглянула к ней перед отъездом сюда, мать, опустившаяся, вечно пьяная обрюзгшая женщина, выгнала ее, визжа, чтоб та не появлялась больше на пороге. У матери расшатана психика, она уверена, что

Наташка хочет сжить ее со света, чтоб самой поселиться в обшарпанной квартирке.

Девчонку воспитывали бабушка и дедушка. Дед особого участия в воспитании не принимал. Он и вообще-то был немногословен. Вскоре после отъезда дочки у него прошел инсульт, последствия которого не исчезли до конца жизни. Его не парализовало, но из хорошего механика он превратился в планктон, делал только то, что говорила бабушка.

А из бабушки какая воспитательница? Она научила внучку доить корову, давать корм свиньям и курицам, растить картошку, готовить наваристые щи в печи, ткать дорожки и вязать круглые половички из тряпок. Вот и вся наука. Школу Наташка окончила хорошо не потому, что много знала, а потому, что учиться было легко. Требования в сельской школе, прямо скажем, отличаются от требований в школах городских. По английскому у нее пятерка, но сказать что-либо, кроме «My name is Natasha», она не в состоянии. Английский преподавал учитель истории, географию — учитель физкультуры.

Единственный, кто мог вложить в ее голову какие-то книжные премудрости, была учитель литературы и русского языка. Наташка любила книги и находила с этой достойной дамой общий язык. Не знаю уж, почему она, как некогда дореволюционные учителя, отправилась в народ, но, получив по распределению после вуза место в поселковой школе, там и осталась. Наташа говорила, что той нравилось маленькое количество учеников в классах — от семи до пятнадцати. Дескать, в таких небольших классах преподавать — одно удовольствие. Девчонка часто приходила к учительнице, та читала ей вслух хорошие книги о честных людях. Наташка из чувства благодарности ухаживала за ее чахлыми грядками, пока какая-то добрая душа не наступала в роно, что, мол, училка детский труд использует.

Наташа помнила замечательную картинку. Однажды весенней порой, когда день, как говорят, год кормит, училка читала «Войну и мир», сидя на крыльце своего домишки. Мимо проходили коллеги с сельхозинвентарем на плечах.

— Привет-привет! Что делаешь?

— Толстого перечитываю.

— Во делать-то нечего! — начали ржать учителя, которые, как все сельчане, отдавали время возне на огородах.

Когда Наташа назвала ее имя, я ее вспомнил. Мы пересекались в университете, правда, она училась не на моем курсе. Смутно помню, кажется, всегда с книжкой была. Она, наверное, и тогда Толстого перечитывала. Шучу, не хмурься. Мы удивлялись, зачем она отправилась в деревню навоз нюхать, когда вокруг было столько интересного, рушился старый мир, на его костях возводились песчаные замки нового...

Учительница явно не вписывалась в элиту поселкового общества, но ее сильно не обижали, с уважением относясь к мужу — известному лесорубу. Его имя иногда мелькало в областных газетах. Гордость района, победитель соревнований! Правда, местные кумушки этому лесорубу сочувствовали. Говорили, ему бы бабу толковую, он бы жил — кум королю! А то в доме только книжки и ни одной банки закуток на зиму!

Эта чудачка нравилась Наташке, но пойти по ее следам девочка не решилась. К тому времени, когда школа была окончена, бабушка совсем сдала и, пролежав месяц в районной больнице, отдала Богу душу. Наташка ходила за больным дедом, сама работала в доме за мужика и за бабу. Чтоб зарабатывать на жизнь, устроилась при коровнике на ферме, да недолго проработала. Дед вскоре отправился вслед за бабушкой, а домишко прохудился.

Лежит однажды Наташка на своей кровати, куたается в одеяло, поскольку в комнате холодно, и смотрит в окно. А за окном ветер срывает листья с деревьев, устанавливает свои порядки. Дует порывами, не позволяя птицам лететь. И потому за окном стайка ворон жметя к земле. Наконец одна из них рискнула взлететь, собралась с силой, взмыла над землей метра на два, но порыв ветра шмякнул ее оземь! С улицы доносился только вой ветра, но, увидев падение вороны, Наташка будто услышала шлепок о дорогу. Неудача не сломила гордую птицу, она вновь попробовала взлететь, и вновь попытка окончилась неудачей. В сказках все повторяется трижды, и, экстраполируя сказку в реальность, ворона в третий раз взлетела, и ей улыбнулась удача. Она расправила крыла, попав в струю воздуха, и полетела над землей, откуда с тоской смотрели на нее товарки.

Однако жизнь — не сказка. Очередной порыв ветра перевернул ворону в воздухе, и птица в очередной раз, кувыркаясь, оказалась брошенной на землю с высоты своего вороньего полета.

Наташка подумала-подумала и решила, что сидеть вместе с воронами в этом поселке больше не хочет. Пусть ветер шмякнет и ее, но лучше сделать и жалеть, чем не сделать и жалеть. Корову к тому времени продали, куриц съели, ничто ее дома не держало.

С Наташкиным багажом знаний и умений только в поселке ей и сидеть бы на своей печи. Но нет. Душа захотела романтики, а попка — приключений. Материнские гены сыграли свою роль, но если мама застряла на райцентре, дочка ринулась покорять областной город. Наверное, если у Наташки когда-нибудь будет ребенок, он рванет в столицу. Впрочем, что это я! Моя малявка давно в Питере.

Я спросил, почему Наташка не вышла замуж, на что она энергично замотала головой. По ее мнению, парни в поселке были не по ней. Наташка думала о поселковых мужчинах, примеряя их на себя, как обувь, выясняя, удобно ли сидит, хорошо ли смотрится. По ее словам, лучшим мужчиной был тот самый лесоруб, муж ее учительницы. Лучшим потому, что не пил. Парень унаследовал лучшие черты канадских перебежчиков, наводнивших нашу область в послереволюционные годы. Они были трудолюбивы, полны радужных надежд, умели работать и на себя, и на государство. Останься они все в живых, может, мы давно жили бы в другой стране. Но большинству из них пришлось работать не на наших областных стройках народного хозяйства, не леспромхозы да промпредприятия поднимать, а сгинуть в Сибири.

Но единицы остались, расселились, ассимилировались, родили потомство. Лесоруб и был одним из их наследников. Работал хорошо, зарабатывал много, водку не пил, жену не бил. Замечательный человек! Но Наташке такой нужен не был. Скучный он, пресный! Уж такой не пойдет стрелять по окнам избы участкового милиционера. Нет, Наташа хотела кого-то другого. Умного, любящего, веселого. Не бедного. Конечно, деньги в жизни не главное, сказала она, заработаем потихоньку. Но надо ей было избу чинить, а денег нет. И начальство совхозное, которое теперь не совхозное, а закрытого акционерного общества, отмахнулось от нее. Конечно, был бы муж, наверное, справился бы, но мужа не было.

Сельские парни Наташе не нравились: гру-

бые, часто пьяные, почти всегда ленивые. Да и жениться не спешили. Так-то, поддав в баре у дороги, могли потрогать за разные места, позволив больше — возьмут и больше, не подавятся. Но Наташка им не позволяла, понимала, что если пустит кого к себе в постель, тот будет считать себя хозяином. Глядишь, и поколачивать начнет. А ей это надо?

Поэтому девственность Наташа потеряла не с сельскими парнями, а с ребятами, что приехали из города на строительство нового коровника. Все это, что я сейчас говорю, она мне, конечно, не в первый же вечер рассказала, а потихоньку за несколько дней.

Так вот, приехали в поселок строители. Я, помнится, даже упоминал об этом новом коровнике в статье про успехи нашего сельского строительства. В прежние годы эту новостройку и не заметили бы, а нынче, когда раз в пять лет делают новый сарай, в котором из двухсот коров будут ежедневно высасывать молоко, об этом как о выдающемся успехе трубят вся областная пресса, в том числе и наш журнал.

Ладно, я не о коровнике. Строила его одна славная компания из столицы нашего края — города Арельска. Я даже с директором знаком. Но директор появился там только на торжественном открытии, а начали строительство его ребята, работавшие вахтовым методом. Две недели одни, две недели — другие. Поселили ребят в строительных бытовках-вагончиках, однако очень быстро многие столичные мастера нашли подруг и переселились к ним. Одиноким жителям поселка не хватало мужского внимания и разнообразия. Правда, вниманием и строители не баловали, они работали не положенные восемь часов, а от рассвета до заката. Вечерами шли по своим сельским подругам и, уделив гостеприимным хозяйкам некоторое время, отворачивались и храпели.

Были там два мальчишки — Петя и Витя, чьи молодые силы позволяли им спать чуть меньше, а бодрствовать, соответственно, чуть больше остальных. То ли Наташа глаз на Петю положила, то ли Петя на нее, в общем, в первый же вечер знакомства парень оказался у нее в гостях, да там и остался.

Жители поселка любили приходить к месту строительства, и забор, возведенный строителями, им не мешал. Все равно других развлечений

не было. Местный клуб уже давно был разрушен и большей частью растащен. Даже выборы проводили в школе, а не в клубе, как раньше. Поэтому такое развлечение, как строительство нового коровника, привлекало многих.

Наташка крутилась там с первых дней, и ей приглянулся высокий кудрявый экскаваторщик с задорно торчащим кадыком на длинной шее. Сама Наташка длинной шеей похвастаться не может, она такая коренастенькая, крепко сбитая. Этому парню тальянку бы через плечо да на гулянья деревенские в довоенные годы — был бы первым гармонистом. Наташка с детства любила советские фильмы про жизнь деревни, поэтому, как только увидела Петю, тут же представила, как они вместе будут гулять по главной поселковой улице под ласковыми тополями, а идущие навстречу сельчане уважительно здороваются с ними, провожают взглядами и шепчут: «Какая замечательная пара! Вот повезло Наташке!»

Кстати, когда Наташа рассказала мне об этих мечтах, я объяснил ей, что она закомплексована и страдает от низкой самооценки. Почему это «Наташке повезло»? Может, надо говорить «Пете повезло»? Наташка только махнула рукой на мои слова, давая понять, что, мол, нечего мне завираться, ей ли кому-то счастье составить. Думаю все же, говорил я это не зря, поскольку потом увидел в ней старание держаться прямо, подавать себя на людях как-то более горделиво, с сознанием собственной... э-э... ценности, что ли. Не скажу — красоты, что, собственно, в ней красивого? Юность да спелость деревенская, и только.

Петя из кабины своего экскаватора тоже Наташку разглядел и, когда заглушил машину, выпрыгнул из кабины и сразу взял быка за рога:

— Привет, красавица! Как жизнь? В гости позовешь?

— Пойдем! — сказала Наташка, в мыслях уже создав с ним крепкую ячейку общества и заведя троих детишек-крепьшей.

Наташка накормила его ужином и, не ведя долгих разговоров, уложила с собой. Удобная девушка очень Пете понравилась. Сама придумает за мужика все нужные слова, сама обольститесь, сама и уляжется. А вот что ему не понравилось, это то, что Наташка оказалась девочкой. Поняв это, Петя утратил весь свой задор и утром очень быстро ушел, даже не позавтракав. Особенно заторопился, когда Наташа спросила, любит ли он яич-

ницу на завтрак, и пообещала всегда-всегда ее готовить, «мы ведь кур заведем потом, правда?».

Петя, откровенно говоря, позорно сбежал. Он даже застегивался на ходу, уже шкандыбая от дома. Решил, что Наташка теперь его на себе женит и прощай молодость. Весь день парень был хмурым, работал дергано, так, что мастеру пришлось обматерить экскаваторщика, чтоб ковшом не размахивал во все стороны.

Устроив перекур, Петя отозвал в сторону своего приятеля Витю и рассказал о чокнутой девчонке.

— Да ты что? Целкой оказалась? — заржал Витя.
— Ну, я тебя поздравляю!

— С чем? Вдруг эта дура теперь в милицию заявит, что я ее изнасиловал? И постель испачкана...

— Ты без презика, что ли?

— С презиком, да я его там забыл, не выбросил.

Витя похлопал товарища по плечу:

— Может, ты и круче американского президента, но эта девочка — не Моника Левински! Боишься, я сам ей займусь. Мне понравится.

Ты спросишь, откуда я знаю про этот разговор? В деревне везде уши есть, Наташке про беседу доложили. Не в этот день, а на следующий. Поэтому вечером Наташка не понимала, куда пропал ее любимый Петя, а он отсиживался в бытовке. Наташка сидела возле вагончика строителей до полуночи, пока не вышел один из мужиков и не наговорил ей такого, что она в слезах побрела домой.

Зато у дома на крыльчке сидел Витя с коробкой конфет и бутылкой водки. Я не понимаю, почему Наташка его впустила. Пытался добиться ответа, но так и не смог. Она говорила, что ей было плохо или ей стало интересно, чего это он пришел. Еще говорила, что поверила ему и что подумала, может, такой простой веселый парнишка ей и нужен. Говорила, что не хотела оставаться одна, что почувствовала одиночество, когда ее обругали у бытовки. Объясняла, мол, испугалась за Петю — вдруг с ним что-то плохое случилось, и не хотела ночевать с этим страхом один на один. Ты понимаешь женщин? Я — нет. Когда она объясняла, мне вроде бы было понятно. Во всяком случае, каждое слово в отдельности я понимал. На какой-то момент мне показалось, что я понимаю и весь ход ее мыслей в целом. Но потом возвращаюсь к исходной точке, к пер-

вому вопросу — как, полюбив одного, можно тут же, на следующую ночь, спать с другим? — и снова не вижу ясного ответа. Слова, слова, океан вязких обволакивающих слов, в которых тонет разум. Наташке всего этого я не говорил, а кивал сочувственно, делая вид, что мне понятны ее поступки. И от этого Наташка таяла, расслаблялась и рассказывала все больше и все подробнее.

Итак, произошло то, что произошло. Витя, смоля сигареткой на крыльце, вовремя ввернул, что, мол, девчонки клюют на внешнюю красоту, на кудри да улыбку, а простых честных парней не замечают. Открыл бутылку, сказал:

— Хоть стаканы-то вынеси да конфетку возьми! Нехорошо отказываться от подарков, я ж тебе ничего плохого не сделал!

И тогда Наташка, рассудив, что не надо бы пить на крыльце, когда можно в доме, пригласила его войти. Кроме того, пропал ужин, приготовленный для Пети, и под наваристые щи водка пошла легко и свободно.

— Так я потеряла девственность во второй раз, — сказала мне Наташка, поведав эту историю, и не могла понять, почему я не смог сдержаться смешок.

Эту ночь с Витей она помнила смутно, поскольку приняла активное участие в распитии водки. Утром мучилась от головной боли, кое-как дошла до работы и, проведя день в тумане, ушла домой, минуя стройку. Она чувствовала себя измочаленной и, кроме того, не хотела встречаться с Петей, не зная, как оправдать свое поведение.

Дома Наташка улеглась в постель, но сон не шел. Она провалилась в какую-то полудремоту, из которой ее вытащил стук в дверь. На крыльце стоял Витя с пакетом пряников.

— Нет, хватит! — закричала Наташка, едва увидев его.

Ее мучили нерешенные вопросы. Она ругала себя за прошлую ночь, чувствовала вину перед кудрявым кавалером. Витя оказался неплохим психологом. Как в разговоре с ребенком, он стал описывать ее чувства:

— Тебе сейчас плохо.

Наташка кивнула.

— У тебя болит голова от водки. Это с непривычки. И ты думаешь, что неправильно поступила, когда вчера впустила меня.

Наташка не отреагировала. В душе она соглашалась с парнем, но боялась его обидеть, подтвердив эти слова.

— Ты думаешь, что виновата перед Петей. Но ты не виновата. Между вами нет никаких обязательств по отношению друг к другу, вы ничего друг другу не должны. У вас просто была встреча, встретились и разошлись, так часто бывает.

Наташка не хотела согласиться с этим. Ей казалось, что возникшая связь накладывает обязательства и на нее, и на Петю. Она поверила в то, что разговор между Витей и Петей действительно был и что ее первый мужчина легко уступил ее товарищу, но делала вид, обманывая себя, что разговора не было. О разговоре ей днем сообщила одна кумушка-доярка, притворно выказывая сочувствие и с жадностью вглядываясь в Наташкино лицо — не отразится ли там острая боль, которую можно будет обсуждать с подругами немало дней.

— Это жизнь! — продолжал Витя. — Люди встречаются, общаются, выбирают того, кто им оказывается ближе. Часто они ошибаются. Это бывает. Главное — вовремя признать ошибку и понять, что это не твой человек.

Голос его был мягок и спокоен, Наташка стала верить, что Петя — не ее человек.

— Трудно решать эти вопросы в одиночку. Лучше их обсудить с другом, с человеком, который тебя поймет, — подводил к своему Витя и сделал ловкий выпад, достигший цели. — А я тебя понимаю. И вообще, хочу тебе сказать, что никогда не встречал такой замечательной девушки, как ты!

И тут он оставил пряники на крыльце, повернулся и пошел прочь. Он рисковал. Наташка могла не вернуть его, а назавтра, когда новые впечатления, разговоры, работа начнут вытеснять из памяти события прошедших дней, она могла бы отказаться от встреч и с тем, и с другим. Но Наташка не выдержала и позвала его.

— Только я сегодня не готовила, — извиняющимся тоном сказала она. — Давай чаю попьем, а хочешь, могу сварить картошку в мундире.

— Давай лучше вместе ее почистим! — предложил Витя.

Этими словами он завоевал в ее сердце прочное место, поскольку делать что-то вместе — это и есть семейное счастье, как думала Наташка. Важно еще, чтобы это дело было нужно и интересно обоим. А еще лучше, когда любое дело ста-

новится нужным и интересным только потому, что его делают вместе. Это, конечно, недостижимый идеал, но в те минуты, когда они вдвоем сидели, счищая кожуру с крупных картофелин, Наташка почувствовала, как счастье коснулось ее своим крылом. И обоими крылами укутало счастье девушку, когда Витя затребовал брусок, чтоб наточить ножи. Девушка окончательно уверилась: в доме появился мужик, надежда и опора, плечо, на которое можно опереться.

Десять дней тихого семейного счастья промелькнули как один. Вечерами приходил Витя, Наташка кормила его ужином, они ложились спать, и ей нравилось уютно устраиваться на его плече. Но была в этой идиллии какая-то червоточина. Сначала Наташка рисовала в своем воображении будущее, видела себя верной женой, а Витю — своим мужем, но что-то ускользало, не было в этих видениях приятных подробностей. Наташка часто думала о Витиных словах про своего человека и пыталась разобраться, ее это человек или нет. А он не отвечал на ее вопросы, не помогал в поиске ответов, сворачивая разговоры о будущем.

— Нам же хорошо сейчас? Зачем ты забиваешь голову мыслями о том, что еще не наступило? Может, завтра война начнется!

Наташка соглашалась, что да, не надо думать о времени, которое не наступило, всякое может случиться. И все же думала и понимала, что не видит большой радости в своем коровнике, поселке и в этой однообразной жизни. Иногда она смотрела на поля, унылую равнину, убегавшую за горизонт, и ей казалось, что там, за горизонтом, есть какая-то другая, более интересная жизнь и в этой жизни не хватает именно ее, зияет лагуна, не занятая ею, и ждет, когда же девушка займет предназначенное ей место.

Она допускала мысль, что Витя возьмет ее с собой в город, но стеснялась спросить об этом прямо.

— А мне можно будет к тебе приехать? — окольными путями выводила она перспективу.

— Ну, конечно, приедешь! — отвечал Витя, не обещая жениться и не давая понять, что жить они будут вместе.

В поселке быстро заметили, что Наташка, так сказать, нашла женишка. Что там говорили односельчане за ее спиной, девушке не было известно. А подруги по работе относились по-разному.

му. Иные твердили: «Молодец, Наташка, парня что надо отхватила! Уедешь с ним в город, будешь городской». Некоторые говорили почти те же слова, но в тоне чувствовалось то ли осуждение, то ли зависть. Кто-то советовал поскорее забеременеть, чтобы привязать к себе мужика, другие же, наоборот, отговаривали: «Смотри, обрюхатит и бросит!»

Наташка все больше отмалчивалась, а когда уж сильно доставали непрошеными советами да любопытными расспросами, отвечала односложно, и непонятно было, собирается она замуж или так, жизненный опыт приобретает.

Вскоре он уехал в город вместе с другими строителями, уступая место коллегам. Расставание было странным. Витя, казалось, совсем не переживал из-за предстоящей разлуки. Более того, радовался, что вскоре будет дома. Разве что ночью он старался больше обычного, будто пытаясь напоследок взять от Наташки все, что можно и что нельзя. Но девушка, терявшаяся в догадках о будущем, была холодна и рассеянна. Все пыталась укрыться ватным одеялом в стареньком, сшитом еще бабушкой из выцветших цветастых простыней пододеяльнике. Витя резко отпихнул ногой одеяло, мешавшее ему, пододеяльник звучно разорвался. Кровать неодобрительно скрипела, Наташка вздыхала. Парень слегка обиделся на холодность подруги и, чмокнув поутру в щеку, подхватил баул с вещами, поспешил к автобусу. Пирожки с луком, испеченные Наташкой, он забыл, оставив их стыть на веранде.

Не дождавшись звонка от него, Наташка сама в тот же день ему позвонила. Интересовалась, как он добрался и что нового происходит в Арельске. Звонила и после, но спустя пару дней он сказал, что не вернется, поскольку переведен на другой объект.

— Витя, а можно мне к тебе приехать? — спросила Наташка.

— Не сейчас! — поспешно ответил Витя. — Мне сейчас и поселить тебя негде. Потом приедешь, я тебе позвоню, когда можно будет.

Наташку резанули эти слова. Но обида недолго ее терзала. Поразмывляя, она решила, что не любила Виктора, а оказалась с ним только в силу обстоятельств. Тогда она решила, что телефон из памяти мобильного стирать не будет. Мало ли, как жизнь повернется. Окажется она в Арельске, будет хоть кому позво-

нить. Сохранила она и телефон Пети, данный в первый вечер знакомства. Теперь у нее было уже двое знакомых в областном городе.

Третьим стал Сережа, мой тезка. Больше года Наташка оставалась одна, миновала зима, весна не принесла пробуждения чувств, бестолково прошло лето.

Осень, сначала пришедшая как щедрый даритель, как художник, привнесший в привычную зелень множество оттенков красного и желтого, стала превращаться в осторожного вора, начавшего потихоньку обирать окрестные леса, сначала по одному, а потом, наглея, тащить листья десятками и сотнями, оставляя деревья стоять голышом. Все неуютнее становилось в поселке и в Наташкиной душе. К тому времени поменялось уже несколько вахт строителей. Сельчанам потихоньку приелось поначалу захватившее зрелище, они уже не крутились возле стройплощадки, где завершалось строительство. Не появлялась там и Наташка.

Какое-то время ей неприятно было выслушивать вопросы женщин, не стеснявшихся проявлять любопытство.

— Ну что, пропал женишок-то?

За вопросом следовало какое-нибудь псевдосочувственное замечание. Наташка отмалчивалась, как и прежде. Она не считала, что все мужики — сволочи, надеялась, что найдется когда-нибудь не сволочь, а порядочный человек, который ее полюбит.

Когда Наташка рассказывала мне об этом, я отметил, что она проявляет мужскую логику, как ни странно. Для женской логики характерно обобщение. Бросил один, значит, все мужики плохие. А мужчина, пока всех женщин не узнает, не скажет, что все — стервы. Будет пробовать, надеясь-таки найти то, что ему надо.

— А ты нашел? — спросила Наташка.

— Пока нет.

— А может, это я?

— Не думаю, — честно ответил я.

Она принялась рассматривать цветочки на обоях, не зная, что говорить в ответ.

Но этот разговор происходил позднее, а пока Наташку ждал еще один мужчина.

Бригадир сантехников Сережа приехал под завершение строительства. Ему уже стукнуло тридцать. Парень серьезный, хотел стать фермером. А потому, как выдавалась свободная ми-

нутка, ходил по поселку, аккуратно перескакивая через грязь размокших дорог, присматривался к домам. Жителям поселка такой интерес не нравился, чужак он и есть чужак. Потому особо не радовались его приходу и на вопросы отвечали туманно. Но Сережа в разговорах был настойчив, выпрашивал, не собирается ли кто продать дом. Как правило, люди пожимали плечами — тебе нужно, ты и ищи. Пару раз доходило дело до цены, мол, сколько могло бы стоить такое строение? Но люди ждали, пока он предложит цену, а услышав, что купить такой дом он согласился бы за такую-то цену, тут же называли цену в десять раз большую.

Этих денег у Сережи не было, да и цены были нереальными. Те, кто хотел покинуть поселок в поисках лучшей доли, в основном уже сделали это. Разговоры о том, кто как устроился в райцентре, а то и в Арельске, по поселку ходили. И оставшиеся жители не находили, что жизнь уехавших складывалась успешно. Ну, может, конечно, кто там замуж удачно вышел или подженился, так это не считается. Чего в примаках-то ходить, когда здесь свое жилье есть. Если уж продавать дом здесь, то за такую цену, чтоб хватило не только на новое жилье в городе, но и на обзаведение, и на жизнь на первое время, и чтоб на книжке осталось на черный день. В общем, на круг выходили такие деньги, что Сережа за голову хватался:

— Вы ж за такую цену не продадите!

— А нам и не надо! — отвечали ему и выпроваживали.

Расспросы чужака быстро надоели сельчанам, и однажды он попал под горячую руку братьев Бугаевых, которые, хорошенько приняв на грудь, вели речь о патриотизме собственном и о шкурничестве тех, кто покидает село. Тут-то к ним и завернул Сережа со своими расспросами. Братья не стали вести долгий разговор, а отметили горожанина так, что мама не горюй!

В разодранной рубаше, с рассеченной бровью, сине-фиолетовым прынником под глазом и распухшей губой Сережа добежал до Наташкиного дома и остановился передохнуть, убедившись, что братья не пустились в погоню.

Наташка увидела из окна, как Сергей стоит, опершись о забор, и ей показалось, что она слышит его тяжелое дыхание. Он же, хоть и не мог почти бежать, бдительности не терял, беспокойно озирался по сторонам.

Наташке стало жаль молодца, и она, открыв дверь, окликнула его.

Увидев путь к спасению, Сергей, припадая на левую ногу, поспешил к сердобольной хозяйке. Капельки крови, стекая с рассеченной брови, падали на тропинку. Увидев это, он подумал, что разбушевавшиеся братья, если и продолжают погоню, не обнаружат его, если он еще на всякий случай затрет следы крови.

Наташа посторонилась, пропуская его в дом. Сергей юркнул в двери и притормозил в сенях.

— Пойдем, — позвала Наташа и повела его в кухню, где, налив воды в тазик и достав чистую тряпицу, принялась нежными прикосновениями стирать кровь. Потом Наташка достала коробочку с домашней аптечкой, откуда извлекла пузырек йода и комочек ваты.

— Пощиплет малость, потерпи, — повторила она слова, которые когда-то говорила ей бабушка, смазывая йодом ободранные колени и локти.

— Потерплю, — ответил Сергей, и это получилось у него не очень разборчиво из-за того, что нижняя губа распухла. Ему самому было уже не очень больно, а то, как выходили слова, просачиваясь сквозь потолстевшую губу, его весьма позабавило, и он захотел сказать что-нибудь еще, чтобы послушать свой изменившийся голос. — Хорошо хоть зубы не выбили.

— Хорошо, — согласилась Наташка. — Помолчи пока.

Обработав ранку и убрав аптечку в буфет, смастеренный еще дедом, она пригласила Сергея в комнату, указав рукой на табурет возле стола. Сама же направилась к холодильнику и, достав из морозилки кусок мяса, отрезала пластинку и протянула гостю.

— Это съесть, что ли, надо? — спросил он, не поняв. — Зачем?

Наташка не улыбнулась, поскольку была занята составлением нового плана будущей жизни.

— К глазу приложи, синяк быстрее сойдет! — пояснила она.

План на этот раз почему-то не составлялся. Наташка задумалась, не означает ли это, что Сергей — именно тот человек, с которым ей придется связать свою жизнь. И сама отмахнулась от этой мысли. Он ей не нравился. То есть не то чтобы вызывал отторжение, но и чувств к нему никаких она не испытывала. Ну, мужчина. Ну, не

старый, хотя и старше ее лет на десять. Серьезный на вид. И что из того?

Даже жалости, щемящей сердце, она не испытывала. Так бывает: жалеешь человека, не жалея. Просто понимаешь, что надо помочь, особенно если от тебя не убудет, и потому помогаешь. Вот и Наташка сочла правильным позвать страдальца и оказать ему первую помощь. А начав помогать, не могла остановиться.

Так на столе появились картошка, квашеная капуста, на скорую руку сооруженный салатик из огурцов и помидоров, заправленный магазинной сметаной.

Есть гостю было слегка больно и непривычно. Губа, даром что распухла, не помогала удерживать пищу во рту, и кусочки вываливались. Сергей низко склонился над тарелкой, стараясь не запачкать чистую скатерть.

Наташка отметила про себя его беспомощность, и это решило дело. Разве ж можно отпускать человека, ослабевшего до того, что хлеба кусок во рту не удержит.

За ужином Сережа рассказал хозяйке о своих планах на будущее, заявил, что планы эти большие. Землю в районе арендовать можно было в достаточном количестве, картошка здесь росла хорошо, а продавать ее можно в Арельске. Городские жители хоть и имеют дачи, да растят на них не так уж много, а потому с декабря-января охотно покупают картошечку, выращенную на здешних полях. Уверены, что химии в ней меньше. Это правда, вкусная там картошка растет.

А еще Сергей хотел купить домик возле речки. Не только для себя, он намеревался сделать там гостиницу.

— Знаешь, какие деньги умные люди зашибают! — рассказывал он заслушавшейся Наташке. — Москвичи да питерцы, а то и иностранцы любят в наши края ездить, им даже комарьё нипочем, дай чистым воздухом подышать, удочки позабрасывать. Мне мужик знакомый говорил, у него товарищ в Пряжинском районе поставил гостевой дом. Далеко от хорошей дороги, на озере. Ни трассы рядом, ничего. Только грунтовка разбитая. Так к нему москвичи на вертолете прилетели!

— Ну уж! — усомнилась Наташка, хотя глаза засветились интересом и удивлением. — На вертолете?

— Точно говорю, на вертолете! Прилетели-то

всего на два дня — водки попить на природе. Это у них корпоратив называется, когда всей конторой так выезжают. У них это модно, вот умные люди гостевых домов понастроили да деньги зашибают миллионами. Ну, перегнул малость, не миллионами, конечно, но на жизнь хватает. И себе, и детям помогать, что в города переселились.

— И много у тебя детей?

Сергей помолчал, ответил, усмехнувшись:

— А нету пока! Нет женщины, которая захотела бы со мной мои планы реализовать.

Наташка ему не очень поверила, но и винить во лжи не могла. Как говорят, приняла к сведению, без выводов и последствий.

Разговор постепенно угас, но мужику явно не хотелось покидать гостеприимное жилье. Он разохался, стал ходить по комнате, нарочно хромая сильнее и сильнее, пожаловался:

— До бытовки, наверное, не дойти. Ползти придется.

Наташка поняла, что он слегка притворяется, но гнать не стала. Постелила на печи, а тот вскоре к ней под бок завалился:

— Ох, красавица, жарко там, не могу заснуть.

Не прогнала она его и с постели.

Утром Сергей деловито принялся осматривать дом, вышел на улицу покурить, обошел хоромину, осмотрел все подробно. От хромоты не осталось и следа. Вернувшись, сел завтракать:

— А знаешь, твой домик можно поднять, пристройку сделать. Если с умом подойти, можно здесь дело развернуть.

— Замуж, что ли, зовешь? — усмехнулась Наташка.

— Ну, замуж не замуж, а подумать можно.

— Подумай, подумай, — засмеялась она.

Сергей приходил еще пару раз, и Наташка его принимала. Она не поверила в то, что тот сделает ей предложение, но решила сохранить отношения на всякий случай. Только помечтала немного о том, как построят они гостевой дом с вертолетной площадкой, на которую каждые два дня будут прилетать москвичи и иностранцы на свои корпоративы. Потом Наташка представила, сколько водки им надо будет спивать, и прекратила мечтать, слишком много получилось. Эти пьяные богачи всю деревню на уши поставят, а здесь и своих алкашей хватает.

Между тем строительство коровника пошло к концу. Из Арельска на открытие при-

ехал сам губернатор, министры и замы. Говорили много, потом пошли отмечать событие. Гости — в кабинет директора предприятия, строители — в столовую, а местным жителям, которым предстояло этот коровник обслуживать, поставили столы прямо в новеньком здании, где еще не было коров.

Водка она везде водка, хоть в ресторане, хоть в коровнике. Народ был доволен.

Наташка была на этом торжестве, слушала выступления гостей, а больше рассматривала их дорогие красивые костюмы, заглядывалась на блестящие джипы, привезшие их в поселок из областного города, любовалась гладкими лицами. Специально подошла поближе, чтоб ощутить, как пахнет от губернатора. Запах одеколona ей понравился, а уж название его она бы не угадала. Просто поняла, что дорогой. И после этого ей остро захотелось уехать в Арельск. Вот ведь есть же город, где такие холеные мужчины запросто ходят по улицам. А вдруг ей улыбнется счастье. А может, министр или какой другой городской чиновник сейчас посмотрит на нее, влюбится и увезет с собой!

Наташка представила себя на заднем сиденье машины в обнимку с министром. Нет, что-то не то в этой картинке. У министра, наверное, есть и жена, и любовница. Наташке тут места нет. Не в поселке надо министров ловить, а то поймаешь так же, как Витю да Петю.

И того хуже. Министр к сельской замухрышке ночевать не придет. Он, если что, сюда к себе из Арельска кого надо вызовет. На джипе долго ли ехать! Да и зачем ему сюда, когда его с удовольствием примут не то что в гостевом доме, какой Сережа поставить хочет, а на любой базе отдыха. Нет, надо в город ехать, здесь делать нечего.

Губернатор со свитой уехали, столы в коровнике убрали, но мысли Наташкины остались в ее голове, и день ото дня решение крепло. Наташке когда-то запомнилась песня про Марусю и Тарусу. «Опротивели Марусе петухи да гуси». Провожая взглядом перелетных гусей, что отдыхают во время длинных перелетов на равнинах этого района, Наташка рвалась за ними.

Собрав сумку и навесив на дверь висячий замок, девушка отправилась искать счастья. На работе взяла расчет, хотя начальница советовала просто пойти в отпуск.

— Ты бы не рвала здесь связи. Нам хорошие ра-

ботники нужны. Съезди, посмотри, найдешь где место, так потом приедешь уволиться.

Но Наташа не поддалась на эти увещевания.

— Или ты к своему строителю намылилась? — высказала догадку начальница. — Смотри, захочешь — возвращайся.

По дороге девушка решила навестить в райцентре мать. В последний раз они виделись, когда мать приезжала на похороны деда. Надолго она не задержалась, бросила горсть земли на крышку гроба и снова укатила в городок, не рассказав, что за дела ее там ждали.

Я спрашивал Наташку, не обижается ли она на мать, бросившую ее на слабые бабкины руки? Наташка ответила:

— Что на нее обижаться? Что может человек — то и делает для ребенка. А если ничего не может — откуда взять?

Иногда она поражала меня житейской мудростью, которой, казалось бы, неоткуда взяться в юной головенке. Так бывает. Мучаешься каким-нибудь вопросом, а ответ на него приходит от человека, которого никогда мудрецом не считал. Он, может, и двух слов связать не может, да вдруг такое выскажет, что сам ходишь и удивляешься — вот же ответ! И главное, возникает ощущение, что его слова к теме разговора не относятся, а относятся только к этому вопросу, который мучает несколько дней. Я думаю, эти ответы рождаются где-то во вселенной, а потом вселенная находит возможность их довести до вопрошающего через других людей. Бывает, выбирает странных почтальонов.

Я подумал об этом, вспомнив о наших отношениях с женой. Мне казалось, я старался удовлетворять ее запросы, кормить, поить, одевать, обувать, развлекать. Насколько мог, конечно. То же самое я должен был делать и для дочери. И делал, пока не свалился с нервным истощением. Тогда мне в голову пришло то же самое. Я могу отдавать только из того, что у меня есть. Есть деньги — могу поделиться. Есть время — могу уделить его им. Есть нервы, есть любой другой ресурс. Но если ресурс уже кончился, если его самому не хватает — откуда брать? Эта мысль будто взорвалась у меня в голове, но взрыв нес радость и облегчение. Я вдруг осознал, что не должен отдавать себя целиком. Никому не будет хорошо, если я умру. В первую очередь, плохо будет ребенку. Жена обойдется без меня.

Я не сразу принял эту мысль окончательно и бесповоротно. Старые убеждения о роли мужа еще проявляли себя в самый неподходящий момент. Когда я чувствовал усталость, например, и не мог себе позволить отдохнуть именно потому, что считал своим долгом работать больше и больше, хватаясь за все, что подвернется. За работу на выборах, когда приходилось писать хвалебные статьи о людях, не вызывавших у меня симпатии. От работы, вызывавшей внутренний протест, становилось еще хуже.

К тому времени жена показала, что может зарабатывать так, как мне никогда не удастся. Получалось, мне было навязано соревнование — кто больше денег в дом принесет. И я в этом турнире был обречен на постоянный проигрыш.

Все же мне удалось принять правильное решение. Я понял, что должен беречь себя. Если я этого не сделаю, этого не сделает никто. Я осознал, что ближе себя у меня никого нет. Мы с женой расстались. И это позволило мне выжить. Сохранить хорошие отношения с дочкой. С тех пор я один.

Меня удивила житейская мудрость Наташки, которую она проявила в отношении матери. Если бы все мы проявляли такое понимание, наверное, было бы гораздо меньше проблем и разочарований. Она не испытывала злости, чувства, которое разрушает самого злобщегося. По себе знаю. Как ужасно чувствуешь себя, когда долгое время злишься на кого-либо. Эта злоба высасывает энергию из того, кто злится. Может, и тебе знакомо состояние, когда часы и дни напролет изводишь себя негативом в чужой адрес, когда не можешь думать ни о чем другом, когда ведешь бесконечный мысленный спор с оппонентом, топя его в потоке оскорблений. Мира вокруг не видишь, глаза застланы черной пеленой. И сам будто в черном скафандре злости, в вязком коконе, обволакивающим так плотно, что начинаешь задыхаться.

Но я не о себе хотел рассказать. Я о Наташке.

Так вот, в один из осенних дней она появилась на пороге материнской «хрущевки» с большой сумкой в руках.

Мама встретила Наташку без радости, даже с упреком:

— А, это ты! Наконец-то вздумала мать навестить!

По рассказам Наташки я представил жен-

щину, чью внешность портили не столько года, сколько образ жизни. Грязный халат, когда-то бывший красным с большими зелеными цветами. От времени, стирок, грязи и пятен халат выцвел, и теперь цветы почти сливались с основным фоном, так, что-то серо-буро-малиновое. Поредевшие волосы, собранные в пучок, морщинистая кожа. Тоска в глазах.

Усевшись за кухонный стол, она бросила взгляд на сумку:

— Подарок-то матери догадалась привезти? Нет? А, чего от вас ждать, мать рожай, надрывайся, а она и гостинца не прихватит.

— Мама, я сейчас! — всполошилась Наташка. — Сбегаю, к чаю чего-нибудь куплю.

— К чаю! — передразнила Наташку хозяйка. — Водки купи, выпьем за встречу!

Наташка побежала в магазин, где накупила сразу целый пакет продуктов: колбасу, сыр, макароны, мороженые котлеты, хлеб, печенье, зефир — все, что попадалось на глаза. И водку не забыла.

Готовить ей пришлось самой, поскольку мать заинтересовалась прежде всего водкой. Налив стопки, она сказала:

— Ну, давай. За встречу!

— Мама, может, сначала макароны сварим?

— Успеется, пока вон, если хочется, колбасы укуси или зефирину возьми.

Наташа пригубила, а мать опрокинула в себя стопку:

— Хорошо пошла!

Наташа отыскала в захламленном кухонном столе кастрюльку и сковороду, зажгла колонку и отмыла их. Вскоре котлеты зашипели на сковороде, вода для макарон закипела. А у матери уже была разлита по стопкам вторая порция:

— Между первой и второй... Ну, как дальше? — в ее голосе появились такие интонации, будто дочке лишь годик-два, а мама читает ей первые строчки стихотворения Агнии Барто и задает вопрос, проверяя ее память.

— Не знаешь? Эх, что ты знаешь! Пе-ре-рыв-чик не-боль-шой!

Мать быстро захмелела. Когда Наташа разложила по предварительно вымытым шербатым тарелкам макароны с котлетами, женщина лишь слегка ковырнула их вилкой.

— А ты чего это приехала-то? — наконец решила поинтересоваться мать. — А в сумке что?

— Я в город хочу поехать. В Арельск.

— В Арельск? Нужны мы там! — зло сказала мать. — Я вот и здесь никому не нужна. Пока молодая была, хватало тех, кто в любви клялся, обещал в шампанском всю жизнь купать. Да сгинули все купальники!

Мать жаловалась на жизнь, и выходило по ее словам, что жизнь всегда поворачивалась к ней самой неприветливой стороной. Мужья и друзья попадались корыстные, бросавшие ее при первых испытаниях. В итоге она осталась одна.

— Последнего на прошлой неделе выгнала, — сказала мать, — когда он мой фен спер да пропил.

Наташка молча слушала эти жалобы.

— А у тебя-то хоть мужик был? — мать переключила свое внимание со своей судьбы на Наташку.

Та кивнула.

— И где он?

— Уехал.

Мать расхохоталась:

— Вот все они такие! Ох, доченька, гляди, по моей дорожке пойдешь, даром что сейчас такая свеженькая да молодая!

При последних словах лицо ее исказилось, и в этой гримасе был не страх за будущее Наташки, а зависть к ее молодости. Наверное, эта карга многое бы дала, чтоб вернуть себе молодость, и кусала локти от того, что не будет возврата.

Бутылка быстро пустела. Наташка, чтоб не обижать мать, и сама выпила стопки две, но в основном водка поглощалась уставшей от жизни женщиной. Она опрокинула бутылку над стопкой, а затем допила последние капли прямо из горла, сжимая бутылку обеими руками, будто младенец соску.

Она стала настолько пьяна, что несла полную ерунду.

— А зачем ты ко мне приехала? В Арельск, говоришь? А сама к матери в квартиру приперлась? — речь прерывалась иканием. Мать перешла на визг:

— Нет уж, я тебя насквозь вижу! Все сволочи, только ограбить хотят! И ты — на квартиру мою заришься! Дай, думаешь, мать подпою, она добрая — пустит! А хрен тебе! Бабку с дедом со свету сжила, теперь за меня взялась?

— Ну что ты, мама! — пыталась увещевать ее Наташка, но с разъяренной фурией было не справиться.

Подхватив сумку, Наташка убежала от матери,

пытавшейся ее догнать, да запутавшейся в собственных ногах и рухнувшей на пол кухни.

Эту историю в подробностях Наташка рассказала мне однажды, когда настроение мое было плохим из-за гонорара, размер которого оказался в два раза меньше, чем я ожидал. Я не проявил сочувствия, наоборот, выразил недоверие к ней:

— Что ж ты, добрая самарянка, не осталась помочь матери? Ясно же, что одинокая женщина в уходе нуждалась. От одиночества у нее крышу сносило, надо было в райцентре остаться, навещать почаще, продукты носить.

Наташка будто не заметила издевки в моем тоне и спокойно объяснила:

— Я маме ничем помочь уже не могла. Она не от одиночества пьет, а может, одинока от водки. Ей лечиться надо, но если сама не захочет — никто не вылечит. Я знаю, читала. Да и сама понимаю. Мне ее жалко, да это бесполезная жалость. Она не на меня злится, а на себя. Но срывается на мне потому, что виноватой себя считает. Так всегда бывает, мы ненавидим тех, кому сами плохо сделали, и любим тех, к кому относились с добром.

Ну, положим, эта мысль не нова. Может, Наташка ее где-то вычитала и к своей ситуации применила. С первой частью я согласен. Действительно, бывало, скажешь о ком дурное слово за глаза, а потом стыдно с человеком встречаться. И выискиваешь в нем всяческие недостатки, чтоб себя оправдать.

А вот вторая часть — неправда. Раньше я тоже так думал, а потом мнение изменил. Получается, если я для жены всю жизнь старался только добро делать, я ее любить должен просто безумно. Помню, радовался, когда подарки дарил, и ей, и дочке. А потом стало все-таки обидно, захотелось что-то взамен получать, не только отдавать. Тем более что мои подарки стали ей неинтересны. Старание, желание не засчитывались.

Мы вообще оказались очень разными людьми с женой. Хорошо было только вначале, когда я был успешным молодым журналистом, быстро делавшим карьеру, успевшим получить квартиру от нашего издательства, доросшим до заведомом, а жена оканчивала медицинский факультет нашего университета. Но очень скоро все поменялось. Последнее воспоминание о том, что мы делали вместе, это митинг в август-

те девяносто первого, который проходил все на той же площади Кирова. Мы стояли там плечом к плечу с женой, чтобы, как мне казалось, защитить свободу. Но, как выяснилось позже, мы защищали разные свободы. Я защищал свободу слова, свободу духа. А жена — уже тогда — свободу торговли. Интересно, что потом все мы, защитники свободы, оказались по разные стороны баррикад, хотя, собственно, и баррикад никаких нет. Просто прагматики торгаши победили романтических идеалистов, заставили их работать на себя, угождать себе, втоптали в грязь и людей, и идеалы.

Никогда я не считал, что деньги — это главное в жизни. Жена тоже вроде бы говорила о том же, но подчеркивала, что деньги обеспечивают свободу. Мне было интересно посмотреть на жизнь за рубежом, поэтому я сделал то, что мог, — отправился с женой в Финляндию. Помню, во все глаза смотрел в окно автобуса, желая выяснить, есть ли четкая видимая граница между нашими странами. Есть. Наши разваленные домишки сменились ухоженными яркими финскими домами, окна которых закрывали жалюзи. И это в маленьком финском приграничном поселке, тогда как у нас в то время жалюзи были роскошью даже в городе.

В Финляндии я стремился ходить по улицам, рассматривать прохожих в надежде понять, как свобода, которой они обладают, отражается на лицах. И действительно, эти западные лица были полны достоинства, а презрения, которое они могли бы испытывать к бедным жителям России, я не встречал. Разве только в «кирпушниках», как, переделывая на свой лад финское название, именовали мы магазины «second hand». Помню, там висели объявления исключительно на русском языке: «Просим не уносить вещи без оплаты. В магазине установлены видеокamеры». Когда я прочел эти объявления, мне стало стыдно и захотелось сразу выскочить на улицу, но жена махнула рукой:

— Нечего на фигню внимание обращать!

Она увлеченно рылась в барахле и на наши невеликие марки сумела приобрести немало тряпок, одних джинсов — пять пар. Вернувшись в Арельск, она удивительно быстро продала привезенные шмотки. Вырученные деньги превышали мою месячную зарплату. Оставив

свою работу в поликлинике, жена с головой ушла в бизнес. Она стала «челноком», возила из Финляндии одежду и краску, лыжи и мебель. Я поначалу следил за ее успехами, интересовался делами, но мне становилось все менее интересно с ней разговаривать. Постепенно она стала говорить только о деньгах, ценах и красивой жизни. Нет, буду честен, она нисколько не напоминала гламурных дурочек в наших кафе, которые считают, что кто-то должен обеспечить им достойное существование. Моя жена все делала сама, при этом много работала. Даже мебель в полученную мной квартиру покупала она, выбросив собранное мной у коллег и в редакции разнокалиберное старье. Но мне было трудно жить на положении альфонса. Это — первое. А второе — я видел, как тупеет жена, как ее перестают интересовать простые радости — спокойный семейный ужин, совместная прогулка в парке, обсуждение нового нашумевшего романа или фильма. Зато стали радовать ужины в ресторане, за которые она могла выложить такие деньги, что я просто был возмущен: еда таких денег не стоит! Эти ресторанные ужины, в которых я не любил принимать участие, скоро стали проходить без меня. Возвращаясь за полночь, супруга говорила, что вела деловые переговоры. Наверное, так оно и было. Денег у жены становилось все больше. Меня это радовало все меньше.

Вечерами она часто пересчитывала баксы. Помню, однажды я зашел в полутемную комнату, она сидела на диване, вокруг — кучки долларов, как болотные кочки, а ее руки, в которых тоже были деньги, в неясном свете мне показались зелеными, словно плесенью покрытыми. Она даже не взглянула на меня, сосредоточенно считая свои прибыли.

Я пытался воззвать к ее прежним интересам, пытался поговорить, объяснить, что мы отдаляемся друг от друга, и услышал в ответ:

— Пойми, дорогой, что твоей зарплаты хватает ровно на две недели нищего существования, с халтурами — на три недели. А я не хочу жить в нищете и воспитывать дочь для жизни в нищете.

Самое страшное, что жена была права!

Нет, я не идеалист. Я понимаю, что хлеб даром не дается. Я понимаю, что муж должен содержать семью, я не понимаю одного — как мы

своими руками построили общество, в котором работающий мужчина не является кормильцем? Наверное, это мне, а не жене, надо было покупать на финских барахолках джинсовые тряпки. Наверное, мне надо было завести деловые связи. Зарабатывать, обеспечивать жизнь семьи. Но я этого делать не умел и не хотел. Я готовился к другому. Я умею писать статьи и считаю, что это важное дело. Беда в том, что общество так не считает. Со своими представлениями о жизни я оказался слабым. Вижу, как все больше наши с обществом представления расходятся. Хорош тот, кто может заработать, кто отдыхает на Гоа, кто ездит на «мерсе», а остальные – в ауле.

Моя жена сейчас уважаемая в городе дама, бизнесвумен, известная своими благотворительными акциями – подкармливает иногда бомжей «бич-пакетами», депутат городского Совета. Мы иногда созваниваемся, поздравляем друг друга с Новым годом и днями рождения. В последний раз, поздравив меня, жена сказала:

– Видела тебя в местных новостях на пресс-конференции в каком-то министерстве. Ты плохо выглядишь, смени костюмчик, ты его не снимаешь уже семь лет!

Я ответил:

– В этом виновны суки, которые задирают цены на костюмчики, твои коллеги по бизнесу. Я буду ходить в нем до смерти и в гроб лягу в нем, пусть им будет стыдно!

Жена расхохоталась:

– Пойми, что стыдно не будет! Никому нет дела до лузеров, пусть хоть в простынях хоронятся!

И опять жена права. Но вот что я знаю точно. Пусть гитару дочке купила много лет назад она со своих заработанных торговлей денег, но первые аккорды показал своему чаду я. И пели мы с ней «Зеленую карету» и «Аленушку», где ни слова про деньги! Зато дочь сейчас играет в Питере. Она сменила уже много гитар, а вот того, кто первым научил играть, сменить невозможно. Не деньги главное!

А Наташка дождалась пригородного поезда на вокзале и отправилась сюда.

Дорога от единственного города этого района занимала на машине максимум часа два, но пригородный поезд тянулся почти четыре, половину этого времени теряя на маленьких

станциях, а то и посреди чистого поля. Он уступал дорогу поездам дальнего следования, а для Наташки и дорога в Арельск была дальним следованием, поскольку в областном городе девушка была только раз, когда бабушка, выяснявшая какие-то вопросы по своим пенсионным делам, взяла ее с собой. Наташке было тогда пять лет, увидев шпиль вокзала, помпезного, построенного в лучших традициях сталинских времен, как большинство российских вокзалов, задрала голову и счастливым тоном объявила:

– Мацква!

Москву она до того видала на картинках в книжках, и шпиль напомнил ей кремлевские башни.

Тогда и город показался ей огромным, немного пугающим. Она, вложив ручонку в загорбелую бабушкину ладонь, так за нее и держалась, начиная всякий раз хныкать, когда бабушке за чем-то надо было освободить руку. Тогда она хваталась за юбку бабушки, не желая разрывать спасительную связь, боясь потеряться и остаться в этом полном чужих и страшных зданий городе. То первое и единственное посещение Арельска почти стерлось из ее памяти. Больше по бабушкиным рассказам, чем по собственным смутным ощущениям, она вспоминала, что обедали они в пельменной, неподалеку от вокзала, что побывали на берегу Онего – второго по размеру озера Европы, чьи волны покусывали не только Арельск, но и еще несколько северных городов этого края. Слушая Наташку, я припомнил и пельменную, где и сам за много лет до нее бывал с мамой, усаживавшей меня на подоконник, поскольку иначе мне не достать было до тарелок, размещавшихся на высоком столе. И берег я тоже помнил, тот, что застала в детстве Наташка, когда еще не была построена набережная, не появились на ней странные скульптуры, созданные воображением европейских художников и скульпторов – жителей наших городов-побратимов.

Прогулки по набережной сейчас стали чуть ли не любимым времяпрепровождением для меня. Но, размышляя над этим фактом, я понимаю, что привлекают на набережной не скульптуры, а озеро. Скульптуры хорошо показывать гостям города, такого странного музея авангардного ис-

куства под открытым небом, пожалуй, нигде в России больше нет. Вот лежит пышнотелая женщина с четырьмя грудями. Помнится, главный художник Арельска, по должности в администрации города, разумеется, главный, когда я делал с ним интервью для журнала, посмеивался:

— Эта дама называется Марианна, по замыслу француза, придумавшего ее. Но это только сверху она тоненькая француженка, а с боков — вполне наша женщина!

А четыре груди — по две с каждой стороны, образовались, поскольку скульптор уложил свою красавицу лицом к зрителю, а с другой стороны, вместо спины, отзеркалил изображение. Эротических желаний кустодиевские формы Марианны не вызывали.

Есть две дуги — творение финна. Вверху эти дуги соединяются какими-то проволоками, изображающими электрический разряд. «Искра дружбы» — официальное название того, что народ прозвал «Поцелуем змей». Может, и наши поцелуи с Наташкой — поцелуи змей? Могут ли я верить в то, что она рассказывает? Может, только разжалобить меня хочет, привязать к себе?

На самом деле я с некоторым сожалением вспоминаю время, когда никаких скульптур, да и самой набережной, и в помине не было. Прибрежный парк спускался к озеру, большие валуны, омываемые волнами, подчеркивали суровость северного пейзажа. Но нас, мальчишек, выросших в этом городе, не пугала кажущаяся суровость, как не пугали холодные воды, в которых мы охотно купались в любую погоду, покуда родители, увидев это безобразия, не загоняли нас домой.

Позднее, когда я был юн, мне нравилось сидеть на этих камнях, глядя вдаль за Ивановские острова, и представлять, как, начав путь здесь, можно по рекам или каналам выйти в любой океан.

Перемены, наверное, идут ко благу. Спроси меня, рад ли я, что в городе есть знаменитая набережная-музей, и я отвечу, что рад. Но измени вопрос, спроси, скучаю ли я по дикому необустроенному берегу, к которому привык с детских лет, и я скажу, что скучаю.

Может, это признак старости? С тоской вспоминать прошедшее, сожалеть о прежних годах.

Наташка гуляла по набережной со мной, не очень понимая мою ностальгию по валунам. Ей нравилось то, что есть сейчас. Потому, конечно,

что дикий берег — только мимолетное впечатление ее детства, а не воспоминание, накрепко связанное с целой эпохой жизни.

Но и озеро ей тоже нравилось. Она разделяла мое восхищение тем, что оно всегда, каждый день — разное. То золотое, желтое, спокойное. То, особенно вечерами, туманно-белое, молочное. То серое, то голубое, то синее и черное. Нет в моем языке столько названий цветов, сколько имело озеро, и ни в одном языке нет, сколько бы ни стремились люди найти вербальный эквивалент всему, что видят и чувствуют.

Приехав в Арельск во второй раз, Наташка уже не восхитилась вокзальным шпилем, а только улыбнулась, вспомнив детскую ошибку. Пригородный поезд приходил на путь, выход в город с которого шел через туннель. Сотня шагов, и перед Наташкой открылась площадь Гагарина с видом на проспект Ленина — главную улицу Арельска, упирающуюся в озеро.

Миновала университет, мою альма-матер, посмотрела на фонтан-молекулу, поставленную напротив, на месте сгоревшего деревянного домишки, просто из любопытства остановилась перед солидным зданием областного правительства, спустилась ниже, обошла фонтан, в народе именующийся «Детский стриптиз», поскольку скульптор украсил его хороводом голеньких бронзовых детишек. День был прохладный, детишки мерзли. Вышла к озеру, игравшему волнами, словно атлет мускулами, и повернула обратно. Сумка не оттягивала руки, поскольку Наташа предусмотрительно оставила ее в камере хранения на вокзале.

Девушка спокойно осматривала город, воспринимаемый ею как будущее место жительства. Она не испытывала страха. Конечно, чего бояться Арельска — таких городов множество в России, но это понимаем мы, живущие здесь, исходившие его сотню раз вдоль и поперек. А на девчонку из деревни он мог бы произвести впечатление, но не напугал и не восхитил ее. Она не сомневалась в том, что ей найдется здесь место. А осматривать достопримечательности все сразу не сочла нужным, оставив это дело на потом.

Темнело в нашем крае белых ночей уже довольно поздно, но и не так поздно, как в июле, когда ночью можно, сидя у окна, читать книгу, не включая света. Наташка к вечеру устала. На

вокзале она сняла койку в комнате отдыха, где привела себя в порядок и заснула счастливым спокойным сном. Многогранное дело — переезд в Арельск, было завершено, как она считала. Ей казалось, что именно решение изменить условия жизни и осуществление этого решения, процесс собирания с духом и есть самое сложное, а дальше все пойдет почти само, только подправляй. Так туристы проходили мимо Наташкиного поселка на своих байдарках. С берега ей казалось, что никаких трудностей на этой, местами порожистой, реке они не испытывают, главное, вовремя веслом махнуть, а большей частью река сама несет тебя по течению. Наташка считала, что уже спустила свою байдарку на воду, преодолела самые важные первые километры, и в будущем ожидала помощи от течения.

Она оказалась права. Во всяком случае, на первых порах. Течение не подвело девушку.

Я был поражен ее практичным подходом. Ты спросишь, в чем он выражается, если малолетняя дурочка, бросая все, приезжает в город, не имея ни места где остановиться, ни особых денег. А выражается он в тех действиях, которые она предприняла. Позвонить своим городским знакомым, Сереже, Пете и Вите, Наташка решила позже, отложила это как самый крайний вариант. А утром, покинув койку в комнате отдыха, она подошла к киоску, где торгуют газетами, и спросила продавца, как бы найти приют. Та, бросив взгляд на девушку, не стала рассказывать про гостиницы, а посоветовала купить газету объявлений, где Наташка тут же нашла объявления о сдаче комнат и квартир, а кроме того, внимательно изучила раздел вакансий.

Потребовалось некоторое время на то, чтобы найти подходящее место для жизни. Выискывая вариант приличный и недорогой, она обнаружила маленькую квартирку в «расширенном центре», в пятнадцати минутах ходьбы от проспекта Ленина.

Квартирка располагалась в двухэтажном деревянном доме, ее окна выходили на Крестовоздвиженский собор, и этот вид Наташке понравился. Не отпугнуло и то, что дом был полублагоустроенным. Туалет в квартире был, холодная вода. А уж душ — извини. Тепло давала печка, дрова для которой были заготовлены и лежали в сарае во дворе дома.

Хозяин, сдававший квартиру, затребовал день-

ги за месяц вперед, и Наташка, не задумываясь, рассталась с большей частью своих сбережений.

Работа тоже нашлась быстро. Конечно, она мало что умела, потребное в городской жизни, не имела прописки. Но после нескольких отказов последовало приглашение на собеседование. Ее пригласили в редакцию одной бесплатной газетки, только появившейся и нуждавшейся в рекламных агентах, или, как их называли в редакции, менеджерах.

Ты скажешь, что так не бывает, что в газету не возьмут работать девушку из деревни. А я тебе напомним историю Петровича. Петрович появился в редакции газеты, располагавшейся на одном этаже с редакцией нашего журнала. Это был колоритный мужичок, заправлявший брюки в сапоги и через слово добавлявший неопределенный артикль «нах». Он приехал из деревни, где трудился плотником. Не знаю, что позвало его в дорогу, но, приехав в город, он стал рекламным агентом. Ребята из газеты тогда принимали в штат всех, кто мог сшибать рекламу и приносить деньги. Тот, у кого получалось, оставался, а кто не мог расположить к себе рекламодателя, уходил сам, поскольку кормились агенты на проценты от принесенной рекламы. И что ты думаешь? К удивлению всех, Петрович с первого дня стал одним из самых выдающихся рекламных агентов. Вскоре у него появились свои рекламодатели, которые не хотели работать ни с кем другим. Причем платили наличкой! Эти люди, владельцы небольших магазинчиков и компаний, поверили Петровичу. Они ожидали подвоха от мальчиков в галстучках, от девочек, больше искавших не рекламу, а женихов или спонсоров, а Петровичу верили сразу и безоговорочно. Первые его клиенты сами были выходцами из деревень, сделавшими себя в городе. Может, потому видели в нем родственную душу или, как минимум, знакомый типаж. Как бы там ни было, Петрович до сих пор живет и здравствует и работает рекламным агентом, хотя уже сотни людей из тех, кто, как и он, десять лет назад начали приходить в этот бизнес, покинули нелегкую работу и перекрестились левой ногой.

История Петровича у нас всем знакома, потому что деревенской девочке несложно окзаться в рекламных агентах.

Квартирку ей сдал мужичок, внимательно оглядевший девушку при встрече. Судя по всему, как особа женского пола она его не заинтересовала.

— Наверное, он решил, что ты молода для него, — прокомментировал я Наташкин рассказ об этой встрече.

— Не знаю... Вряд ли, он примерно твоего возраста.

Я предпочел замять эту скользкую тему. В общем-то, я и себя временами считал старым для нее, и ее — слишком маленькой, но мысли эти от себя старательно отгонял, чтоб не впасть от них в депрессию.

Мужичок довольно равнодушно беседовал с Наташкой. Пересчитав деньги и выдав расписку в их получении, он сказал:

— Я квартиру для брата берег, который приехать собирался... из мест, так сказать, не столь отдаленных. Но это еще не скоро будет, потому ты живи сколько влезет. Первого числа — расчетный день. Квартирка, конечно, подзапущена, но ты, как женщина, ее быстро приведешь в порядок. Гостей много не води, а то соседи огорчатся, начнут порядок наводить. А так — делай что хочешь.

Он выдал ей ключи от квартиры и сарая, где лежали дрова, и распрощался.

Наташка не рассуживалась на новом месте. Возиться с печкой она не стала, поскольку впереди ее ожидала встреча с работодателями, а только попила чаю с печенюшками, вскипятив воду на двухконфорочной газовой плите.

В послеобеденное время ее ждали в редакции газеты «Арельский вестник». Это была недавно появившаяся на свет бесплатная рекламная газетенка. Время от времени кому-нибудь из арельских предпринимателей надоедает платить рекламным газетам, и они сами пробуют войти в этот бизнес, создав свои листки. Эти попытки обычно завершаются неудачей, поскольку нашему маленькому рекламному рынку не выдержать лишнего издания. Новая газета сможет жить, если предложит то, чего нет у других, тогда ей удастся вырвать корку хлеба изо рта уже существующих газет. Но чтобы придумать новое и воплотить в жизнь, нужны немалые затраты, на которые эти потенциальные медиамагнаты не идут. Им кажется, достаточно того, что уже вложились в бумагу, пе-

чать, технику, в зарплаты сотрудникам. Не получая дохода в ближайшее время, они сколько-то еще держат газетку, а потом закрывают проект, часто не расплатившись с теми, кто его делал. Так происходило в Арельске много раз, а потому целая команда верстальщиков, журналистов, пишущих рекламные тексты, специалистов по распространению, рекламных агентов уже знает, что с ними будет в такой газете, и потому соглашается работать там, только имея еще несколько похожих проектов. Все эти курочки клюют по зернышку, день у них пусто, на другой — густо. Но живут и здравствуют, то там найдя денежку, то здесь.

Наташка всех этих тонкостей не знала и, готовясь к встрече с будущими коллегами, немножко гордилась собой. Как же, в газете будет работать!

Я позже спрашивал ее, на что она надеялась, отправляясь в областной город, большой, если сравнивать с ее поселком на полторы тысячи жителей. Здесь все-таки людей живет в двести с лишним раз больше, и все хотят счастья, нарочно или вынужденно подставляя друг другу подножки.

К тому времени, когда я стал позволять себе эмоционально окрашенные вопросы, которые могли быть восприняты как завуалированная критика, Наташка уже прочла немало книг из моей огромной домашней библиотеки, в том числе и этот псевдопсихологический бред о планировании будущего, заказывании вселенной (эгрегору, Богу, ангелу-хранителю и т.д.) желаемого и т.д. Не вспомню уже, когда эта ересь оказалась в моем доме, кажется, был у меня краткий период веры в планирование будущего. Надеялся, что, оставаясь при своем ремесле, вдруг стану миллионером, не хуже жены... Не стал.

— Надо уметь визуализировать то, что ты хочешь получить, — объяснила мне Наташка. — Я поняла, что занималась этим бессознательно еще дома, когда по утрам и вечерам, проваливаясь в сон, представляла, что живу и работаю в большом городе, причем работаю в чистом офисе, может, даже за компьютером. Вот эта визуализация мне и помогла. Вселенная реализовала мои желания и сама привела меня к тому, что я хотела.

— Что же ты не навизуализировала, — это слово я произнес с запинками, — себе любящего мужа-миллионера?

Мне казалось, я сделал все возможное со своим тоном, чтоб вопрос звучал не обидно и Наташка не обиделась:

— Не знаю, не получается пока. Наверное, потому, что это вопрос людских взаимоотношений. Вселенной надо найти именно такого человека, который нужен тебе, при том, чтобы ему нужна была именно такая женщина, как я. Мало того, надо свести их вместе. Это быстро не сделаешь. Да ведь и люди часто не представляют, что конкретно они хотят. Так, примерно, противоречивые образы. Вот такое нечто нам и дается.

— А меня ты тоже визуализировала? — Мне не понравилось, что мое существование, мои действия могут быть обусловлены Наташкиными желаниями.

— Нет, — засмеялась она. — Ты — просто подарок вселенной!

— Бонус? — уточнил я.

— Подарок! — настояла на своем Наташка.

Мне не были близки ее размышления о воздействии силой мысли на вселенную. Я думаю, человек получает то, что заработал, при этом преодолевая сопротивление жизни, других людей, с которыми он, так или иначе, конкурирует. Если это порядочный человек, то конкурирует честно, если подонок — подло, но, в любом случае, жизнь есть борьба, а не бесплатный обед в ресторане с большим выбором блюд. Можно надеяться, что тебе подадут фурлюле с лаписдронами в собственной фуфле, но будь добр готовить кошелек, а не предполагать наивно, что платить будет кто-то.

В словах Наташи я видел противоречия. Вот я, например, разве мечтал о такой семейной жизни, которая у меня была? Конечно, нет. В ранней юности мне виделась крепкая семья, любящие друг друга мы... А вот то, что удалось. Я представлял, что у меня будут замечательные, творческие, интересные дети, с которыми всегда будут хорошие взаимоотношения. Так оно и вышло. Дочка поет в Питере, сочиняет песенки, предлагая мне их послушать, сообщая адреса в Интернете. И ждет моего отзыва, правда, всегда доброжелательного. Зачем мне ее ругать? И без меня найдутся те, кто обругает, а я лучше похвалю, искренне, найдя то, за что можно похвалить. Да, так вот, я о противоречиях. Главное противоречие в том, что, допуская для вселенной роль исполните-

ля наших желаний, мы все равно не счастливы. А разве не счастья мы хотим от жизни? И не проси меня рассказать, что такое счастье. Не знаю. Когда-то я определил для себя счастье как отсутствие забот и скорбей, но разве возможно их отсутствие? Будь у меня побольше денег, я мог бы иметь меньше забот, но денег нет. Их хватает на существование, но не на жизнь, которой я был бы доволен. Будь у меня деньги, я, наверное, давно обзавелся бы юными нимфами, гламурными креветками, наличие которых позволяло бы мне получать удовольствие от жизни. А так должен довольствоваться Наташкой.

Бывают, конечно, и другие. Хороша была Мирабелла с колечком в голом пупке, которую я не смог удержать, так как мне нечего было ей предложить из гламурных развлечений, желаемых ею. И мы расстались после редких встреч в течение полутора месяцев. Но остальные меня не радовали. Ни Ханурик, которая любила лошадей и собак, ни девушка из глухой северной деревни, ни дама, которой в пору записываться в клуб пенсионеров «Золотые звоны». Все они раз-два оставались у меня, а потом я делал все, чтоб побыстрее расстаться с ними. Закидывая невод в службу знакомств по мобильному телефону, никогда не знаешь, что за рыбку он принесет на этот раз.

Теория визуализации подвела Наташку и на этот раз. Работу она, конечно, получила, но что это была за работа! Зарплаты ей не полагалось, ее взяли с испытательным сроком, в течение которого ей предстояло сформировать свой круг клиентов. Предполагалось, что она будет получать проценты от стоимости проданного рекламного места.

Реклама в наших газетах появилась двадцать лет назад, и все сливки с нее были сняты именно тогда. Я знаю вполне успешных мужчин и женщин, владеющих ныне рекламными агентствами, а большей частью вложивших деньги в другой бизнес. Все они когда-то начинали рекламными агентами. Дело было новое, интересное и для рекламодателей, и для клиентов. Реклама в газетах прекрасно отбивалась. Это сейчас люди устали от рекламы до того, что прекращают смотреть телевизор, чтобы не слышать навязчивые предложения. А тогда! Кстати, работа рекламного агента бы-

ла весьма привлекательна для молодых девушек, которые находили кто богатых мужей, кто любовников. Некоторые вскоре превратились в светских львиц и перестали здороваться с лузерами вроде меня, хотя когда-то нас связывали почти дружеские отношения. Страна разделилась на богатых и бедных, и тем девочкам выпало попасть в лагерь богатых. Наступающий гламур обещает новым поколениям наивных дурочек молочные реки с кисельными берегами, да не тут-то было, место занято. Деньги конечны. Если они есть у тебя, значит, их нет у другого, и наоборот. Почти все шоколадные места оказались забиты. Нынешние рекламные барышни уже с большим трудом могут рассчитывать на головокружительные взлеты. Хотя некоторым везет, как Алесе, которая из агентов одной газетки стала редактором другой. Ну, положим, платит ей владелец «Арельского вестника» вовсе не за эту работу. Но он еще не понял, что дешевле просто давать деньги подруге, чем создавать под нее целый проект.

В общем, Наташка не вписалась в эту структуру. Она делала все, что ей сказали. Изучила другие газеты и принялась звонить по компаниям, которые рекламировались в них. Обычно разговор с ней прекращали, как только узнавали, откуда она и зачем звонит. Чаше грубо, иногда вежливо ей сообщали, что такой газеты не знают, что работают с другими изданиями, что у них есть свой агент, мнению которого они доверяют. Очень редко предлагали перезвонить, хотя она, как научили, у всех спрашивала, когда это можно будет сделать. Большинство отвечали:

— Мы сами перезвоним!

Так прошла неделя.

— Ни одного результативного звонка! — поражалась Алесья, ежедневно забегавшая на полчаса в редакцию. — Нет, ты что-то делаешь не так. Ну-ка, звони при мне!

Наташа любовалась этой стройной энергичной девушкой. Когда она появлялась в редакции, казалось, просыпается даже офисная мебель, даже стены втягивали животы, чтобы казаться прямыми и стройными.

Выслушав краткую беседу Наташки с потенциальным клиентом, Алесья заявила:

— Твой голос звучит очень не убедительно! И

совсем не интригует! Попробуй пойти к клиентам ногами!

Это означало, что Наташке надо начать просчитывать компании, навещая их без предварительного звонка. Недостаток метода в том, что часто нужных людей не оказывается на месте, а когда оказываются, они могут быть раздражены тем, что их отрывают от дел. Но есть и плюс. Лицом к лицу труднее отказать, чем по телефону, когда собеседник кажется чужим и далеким и ты не видишь на его лице расстройства и печали.

Мне казалось, Наташка могла одним своим видом вызывать жалость у директоров магазинов и компаний. Ей достаточно было появиться, чтобы у человека возникло желание дать денег этой девочке. Но то ли только на меня она производила такое впечатление, то ли мир бизнеса слишком жесток... Лицом к лицу ей отказывали точно так же, как по телефону. Возможно, она сделала ошибку, стараясь изменить свою речь, добавив в нее убежденности и интриги. Если ей вдруг позволяли и она начинала убежденно рассказывать о своей газетенке, это сразу вызывало недоверие и смех:

— Девочка, не надо нам вешать лапшу на уши! Тираж, периодичность, цвет, районы распространения, целевая группа, цена вопроса — вот что нас интересует. Чем ваша газета отличается от других? Почему, наконец, мы должны именно у вас разместить рекламу?

Проблема была в том, что газета если и отличалась от других, то только в худшую сторону. Я сам вытащил пару номеров из своего почтового ящика и, пролистав, выбросил. Наверное, и в тираже они ввали, раскидывая номерок по почтовым ящикам одного района, с тем чтобы через неделю перейти в другой. Но жители обоих районов формально могли бы сказать: «Да, эту газету мы получаем!»

Наташка пыталась добавить интригующие нотки в свои рассказы о газете. Но интриговать было нечем, да и не умела она этого делать. Возникло впечатление, что какая-то маленькая шлюшка делает неприличное предложение, только почему-то использует для этого слова из другой оперы. От нее отмахивались.

Наташка не обижалась, когда ей отказывали смеясь. Но ее задело поведение одного жирного быка из хозяйственного магазина.

Когда он, приглашенный продавцом, вышел к ней в торговый зал, то, лишь услышав ее первые слова о размещении рекламы, просто повернулся своей толстой задницей и уплыл обратно.

— Я же все-таки человек! — объясняла мне Наташка. — Нельзя с людьми как с мебелью обращаться!

Юношеский максимализм, вот что это такое.

— Извини, а Витя, Петя и Сережа обращались не как с мебелью?

— Нет! Они хотели спать со мной и вели себя так, чтобы я согласилась. Это — человеческие отношения. А тип из магазина — хам!

И в этих словах звучала такая убежденность, что ее с лихвой хватило бы на десять рассказов рекламодателям.

В конце дня Наташа возвращалась в редакцию, где ее ждала добрая девушка Юля, исполнявшая обязанности и секретаря, и рекламного агента, сидящего на телефоне. Те единичные звонки, когда сами рекламодатели, непонятно по каким причинам, решали разместить в газете блочок-другой, принимала именно Юля. Она же готовила договоры, счета, акты выполненных работ, которые требовались редко. В основном газета рекламировала разнообразный бизнес своего владельца, в том числе парикмахерскую и туристическое агентство, где директорские места занимала та же Алесьа.

Юля грела чайник и угощала Наташку печеньем и конфетами, выслушивая ее рассказы об очередных неудачах. Она говорила задорно и улыбочиво:

— Ничего, может, завтра повезет!

Но наступало завтра, затем послезавтра, а везение так и не приходило. Вскоре Наташа перестала появляться в редакции. И не потому, что не хотела говорить о неудачах. Кончались деньги, полученные при расчете в поселке, ей неудобно было есть Юлькины конфеты, не принося хоть иногда что-нибудь своего к чаю. А покупать «свое» было не на что. На сумму, оставшуюся после уплаты за жилье, Наташка сумела протянуть три недели. Мне таких денег хватает на три дня.

В первую неделю жизни в городе Наташа успела побывать во многих местах, где горожане проводят свободное время. Я говорю не о библиотеках и музеях, где ей тоже хотелось побывать, но

она, во-первых, стеснялась, а во-вторых, берегла деньги. Для библиотеки деньги не нужны, зато нужна прописка, которой у нее не было. А в музеи она не заходила, поскольку чувствовала свое сельское несоответствие этим храмам. Только я позднее сломал эту нелепую боязнь.

Рестораны она тоже не посещала, зато прошлась по двум десяткам различных баров и танцполов, где брала сок или чай, садилась в уголке и присматривалась к публике. Несколько раз с ней знакомились молодые люди, но она, пообщавшись немножко, не продолжала знакомства. Дело в том, что она несколько раз поймала на себе презрительные взгляды именно тех парней, которые чем-то нравились ей. А уж как на нее смотрели наши гламурные красотки, можно себе представить! Потертая зеленая курточка, смешная шапочка с помпоном, какие носят совсем маленькие школьницы, джинсы китайского производства, сапожки цвета подгоревшего рыбника. И главное — лицо, на котором не было шарма. А женщина без шарма — все равно что не женщина.

Этот шарм бывает разный. Одни умеют производить впечатление бесшабашного веселья, с такими легко чувствуют себя все мужчины. Другие мило кокетничают, а если и перестараются в своем кокетстве, то это вызывает лишь улыбку. За такими интересно наблюдать. У третьих лица напоминают обсосанные вафли, на них написаны скука и презрение. Но это всего лишь маска. К этим девушкам подойдет далеко не каждый, а только абсолютно уверенный в себе мужчина. Они своим видом заставляют мужчин стараться развлекать их, при этом всегда оставляя для себя возможность изобразить на лице скуку, и, уходя, дать понять кавалеру, что он не сумел их заинтересовать. Я к таким не подхожу, но все эти типы милы и забавны, а Наташка не привлекала ничем. Простушка, дурнушка, девушка из маленькой таверны.

Эта простушка и мне не была нужна. Иногда я думал, ну почему кому-то достаются светские львицы, а мне — вот это? Мне казалось, ее присутствие рядом со мной унижает меня, показывает, что публицист Сергей Алёшин не способен заинтересовать симпатичную девушку и потому таскает за собой как собачонку эту Наташку. Когда я видел сочувственные взгляды знакомых, мне хотелось избить их и даже прис-

тукнуть мою подружку-простушку. Я всматривался в лица людей, видевших нас вместе. Порой думал, что их сочувствие, смех, издевки мне только кажутся, на самом деле никто не обращает на Наташку внимания. Но это и было самое страшное! Почему я живу с женщиной, на которую никто не обращает внимания! Да, я понимаю, что дело в моих собственных комплексах. Немаленький живот, некрутящаяся шея, скованная остеохондрозом... Когда меня окликают, я не могу повернуть ни голову, ни корпус. Я поворачиваюсь, переминаясь с ноги на ногу. Не надо представлять себе тролля, я неплохо выгляжу в сравнении со многими одногодками. И все же мне хочется, чтобы меня любили первые красавицы.

Но пока большей частью рядом оказываются не те, кого я хочу. Всею виной одиночества. Одиночество, бывает, характеризуют так: словом не с кем перемолвиться. Это не про меня. Я могу думать, могу говорить с собой, могу такие монологи, диалоги, дискуссии устраивать! Но я испытываю тоску по человеческой коже, мне нужны тактильные ощущения. И вот когда совсем невольно оказывается терпеть, начинаю поиск той, к кому можно прикоснуться, погладить, почувствовать ладонями, телом тепло другого тела или даже холод. Тогда я согрею своими прикосновениями холодные руки, ноги, плечи, ягодицы. Я хочу чувствовать, как бьется рядом сердце другого человека, как пульсируют жилки под моими поглаживаниями, как от моих прикосновений чужое тело расслабляется, становится податливым и само подсказывает мне, куда еще нужно добраться ладоням, где усилить поглаживания, а где нужны едва ощутимые касания. Не знаю, откуда это у меня. Возможно, в этом проявляется своеобразный вампиризм, хотя вампир только забирает кровь или энергию, а я, скорее, отдаю ее избыток. Эта энергия желания тактильных ощущений временами переполняет меня, мне нужно ее отдавать, иначе я просто взорвусь. Потому в моей квартире оказываются женщины, без которых я вполне мог бы обойтись. Они не нужны мне как собеседницы, хозяйки, прачки и повара, они нужны только как объект, который может поглотить избыток этой энергии.

То, как Наташка принимала мои ласки, застав-

ляло меня хотеть ее еще и еще. Она с первой ночи была так активна, так хороша, так отзывчива, что расстаться с ней мне было очень трудно. Почти невозможно. Стоило нам оказаться в постели, как я забывал о ее простоте, о своих любимых женских типах, я любил только ее и в эти мгновения чувствовал себя с ней единым нераздельным целым. Я обнимал ее так крепко, будто хотел соединить наши тела в монолит, и чувствовал ответное крепкое объятие...

Но я забежал вперед. Вернусь в то время, когда Наташка работала рекламным агентом и жила в домике неподалеку от Крестовоздвиженского собора. Вернувшись под вечер домой, Наташка падала на кровать и вспоминала прошедший день. Она взяла за правило запоминать, во что были одеты встреченные ею девушки, мысленно примеряла эти наряды на себя и представляла, как она вдруг заработает много денег, чтобы все это купить.

Несколько дней она откладывала звонки своим городским знакомым, в надежде, что жизнь подбросит что-либо более интересное. Наташка имела в виду не столько более интересных мужчин, сколько вообще все — события, занятия. Но время шло, ничего нового не появлялось, и она решила позвонить Вите. Тому, с кем общалась дольше других.

В этот вечер Наташа лежала на кровати, уставившись в телевизор, где какие-то «звезды» плоско острили и переругивались, участвуя в очередном ток-шоу. Наташка не вслушивалась в то, что они говорят, она впитывала саму атмосферу: хорошо и стильно одетые люди, судя по всему, не испытывающие как минимум денежных проблем. Свежие лица участниц ток-шоу, их великолепные улыбки, в которых обнажались белейшие зубы, ресницы, как опахала... Наташка чувствовала, что такая жизнь находится где-то рядом. В ее сознании Арельск мало отличался от Москвы. Девушка приехала в город, где надеялась приблизиться к красивой жизни, но почему-то пока этого не получалось. Ей уже встретились такие девушки и юноши, и не только в барах и на танцполах, где у них были свои компании, в которые Наташка не вписывалась. Но у девушки появились даже знакомые из этого элитного круга. Алеся, например.

Позднее, рассказывая мне об Алесе, Наташка говорила:

– Знаешь как она одевается! У нее плащ из Финляндии, сумочка из Москвы...

Пришлось заняться развенчанием мифа:

– Знаю! Я ее не раз встречал в магазине «Эконом», где сам покупаю себе дешевые туфли. Может, у нее и есть пара вещей из Суоми и Москвы, но остальное здесь куплено. Да, она одевается со вкусом, и это помогает ей поддерживать иллюзию, которой она и тебе мозги забила.

Вообще, я заметил, что женщины, особенно молодые, ждут от мужчин невозможного. Ждут, что мужчина одним взмахом руки или кошелька устроит из их серой жизни телепередачу. Оденет в шмотки от кутюр, опустошит бутики, переместив их содержимое в девичий гардероб, увезет отдыхать неизвестно от какой усталости на Канары или куда там теперь модно ездить. Тех, кто не может обеспечить такую жизнь, называют лохами. Пусть я лох, но я вижу жизнь. Я вижу, что девочки, проповедующие идеалы богатства и красоты, идеалы гламура, на самом деле только мечтают о такой жизни, а не живут ею. Они также покупают свои юбки и брюки, кофточки и прочие тряпочки в магазинах для бедных. Просто врожденный или приобретенный вкус помогает им красиво сочетать эти тряпочки и, соответственно, врать, что куплена эта фигня где-нибудь в Скандинавии или, на худой конец, в Питере. Мне пришлось потратить время, чтобы объяснить Наташке истинное положение вещей. Впрочем, она не сильно спорила. Она вообще со мной не спорила, чем тешила мое мужское самолюбие, позволяя чувствовать себя кем-то вроде гуру.

Но вернусь к тому вечеру, когда она звонила Вите. Наташка остро ощутила отсутствие рядом близкого человека, мужчины, который мог бы успокоить, развеять сомнения, развеселить, показать мир. Она представила себе картины того, как они с Витей танцуют в клубе «Арелия», как на нее бросают восхищенные взгляды, а она, замечая это, делает вид, что не замечает, и все это действие превращает ее кровь в шампанское с бурлящими пузырьками, и оттого она заводится, впадает в эйфорию все больше...

Наташа оборвала приятные мечтания. Может, все это будет, а может, нет. Не будет, если она не перезвонит. Она достала мобильник и отыскала нужный номер.

– Витя? Привет, это я! Нет, у меня сюрприз – я в Арельске! Ты рад?

Судя по его голосу, особой радости парень не испытал:

– Привет! А ты чего приехала? По делам?

Наташа девушка умная. Это значит, что она умела сдерживать эмоции. Девятьсот девяносто девять девушек на ее месте обиделись бы и бросили трубку после такого вопроса, да еще заданного достаточно испуганным голосом. Витя явно не хотел развития отношений с Наташкой здесь, на его территории, в Арельске. Но Наташа не стала обижаться, хотя позволила себе поиграть.

– Нет, не по делам. К тебе!

– Да ты что! Я утром уезжаю в район, мы там объект строим.

Витя врал. Это выяснилось скоро, при встрече, поскольку ночевать он остался у Наташки. А когда она спросила, не надо ли его пораньше разбудить, он ответил, что не надо, поскольку подменился и пока никуда не уезжает. На эту ложь Наташка тоже не стала обижаться.

А по телефону она сказала:

– Шучу. Я просто теперь здесь живу и работаю. Встретимся?

Они встретились в детском кафе «Мороженое» на площади Кирова неподалеку от моего дома, но я тогда этого не знал, и до моей встречи с Наташкой еще оставалась пара недель.

Наверное, Витя специально пригласил ее в детское кафе, а не в расположенный рядом бар. Я думаю, он не хотел светиться с ней на людях, где его могли встретить знакомые.

Не постеснявшись спросить, есть ли у нее деньги, он расщедрился на пирожок с картошкой и чай, но не помешал Наташке расплатиться самой, когда она проявила настойчивость.

Я потом спрашивал Наташку, почему она не задумалась об изменившемся отношении. Там, в поселке, Витя приходил к ней, принося конфеты, пряники, печенье. Очевидно, там она была ему нужна, а здесь выбор девушек был побольше. Наташа ответила, что обратила на это внимание, но решила, что обдумает этот факт потом, попозже, а пока посмотрит, что получится из их отношений.

Она рассказала Вите свою историю, умолчав о том, что в кошельке у нее оставалось совсем мало денег, и Витя повеселел. Он понял, что вновь ему на халяву досталась незапарная девочка, которой можно пользоваться, ничего не давая ей

взамен. Он проводил ее до дома, зашел посмотреть квартиру и остался на ночь.

Позднее я как-то спросил у Наташки, о чем она думала, пуская в свою постель одного за другим мужиков, которым она явно не была нужна.

Это произошло в ходе разговора о литературе. Перечитав два десятка книг, а я постоянно беру в библиотеке новинки, среди которых преобладают свежие романы латиноамериканцев и скандинавов, Наташка спросила:

— Почему современные книги такие злые? Почему они полны зла, насилия, почему их герои убивают, душат, режут, едят друг друга?

Я ответил то, что думал:

— Вся наша литература основана на христианских традициях, даже римляне и греки прошли сквозь цензуру христианских монастырей. Эпатажные злые книги, рожденные в девятнадцатом веке, и те вступали в полемику с библейскими заповедями, с заветами Христа. Русская классика, которую ты читала, вся держится на христианстве. Наши мнения, наше восприятие добра и зла также зиждется на Библии. Но сейчас, в наше время, когда все больше человечество отходит от христианства, когда множатся церкви и секты, смешивающие учения разных религий, когда люди, почувствовав свободу, позволили себе выбирать из христианства лишь то, что им нравится, забывая все остальное, когда мы сами создаем себе богов, меняются наши представления о добре и зле. Это объективный процесс, так и должно быть. Прочти Апокалипсис, и ты поймешь, что чем хуже вокруг, тем ближе конец. Я-то считаю, что добра в нашей жизни еще очень много, что основой существования человечества по-прежнему являются библейские истины. Но процесс идет, от него никуда не деться. Поэтому зла в новых книгах будет все больше, поскольку их авторы и читатели перестают воспринимать зло как зло. Дело в том, что в жизни мы стали позволять себе противиться добру. Вот объясни мне, прошу прощения за вопрос, почему чистая девочка, воспитанная на русской классике, пускает в свою постель мужиков одного за другим, мужиков, которым она не нужна? И не факт, что они ей нужны.

— Не знаю, так получилось, — ответила Наташка.

Я не стал пытаться ее дальше. Бывало, что она не хотела мне отвечать, и тогда ответы приходилось тянуть клещами, но часто это были навязанные мной ответы. Может быть, она действительно не знала и действительно так получилось. Думаю, ей, как и мне, не хватало рядом человеческого тела и человеческого тепла, а потому и оказывались рядом те, кто мог его дать, хоть чуточку. И ни при чем здесь христианство, мы отходим от него по объективным причинам. Не хватает в этом мире всего и каждому. Меня иногда пугают собственные мысли, пугает то, что приходится расставаться с иллюзиями. Возьмем заповеди. «Не убий», но разве не оправдают мать, убившую того, кто угрожает жизни ее ребенка? Разве не благословляет церковь солдат, несущих, так или иначе, смерть врагу? Значит, в отдельных случаях можно убивать? «Не укради», но разве не оправдано воровство ради утоления голода? Разве могу я осудить нищего мальчишку, крадущего кусок хлеба или даже колбасы в магазине, когда есть губернаторы, покупающие футбольные клубы, министры, купающиеся во взятках, гламурные красотки, заставляющие богатых папиков финансировать их самые глупые желания? Ведь эти люди вокруг — воры. Пусть не по закону, они воры по совести. И значит, когда нищий спасает себя, воруя крохи, это допустимо. Что скажет на это христианство? «Не прелюбы сотвори», но если своя жена, манипулируя тобой, месяцами отказывает в близости, что остается делать? Отрезать и выбросить? Нет уж! Заповеди хороши, когда по ним живут все. Они справедливы, они ведут к добру. Если бы все их соблюдали, давно настало бы Царствие земное, возродился бы рай на Земле. Мы дружно устраиваем себе ад и с увлечением продолжаем это делать все активнее. Грустно, но другого пути я не вижу.

Утром Наташка накормила Витю овсянкой, вечером вновь предложила овсянку, добавив в нее ложку тушенки, и утром опять-таки стала варить овсянку.

— Наташка, я скоро ржать начну, как лошадь! — предупредил Витя, и тогда Наташка рассказала ему о своем финансовом положении, о том, что есть скоро будет нечего и из квартиры придется съезжать.

— Что ж ты сразу не сказала? — бодро спросил

Витя. Казалось, он готов был взять на себя решение всех накопившихся проблем, однако вечером он не появился у Наташки и на телефонные звонки не отвечал.

Наташка не могла заснуть, отгоняя от себя мрачные видения, в которых Витя присутствовал избитый, раздавленный какой-нибудь плитой или комьями земли... Вечером он пришел как ни в чем не бывало, объяснил, что телефон разрядился и негде было его зарядить, а задержался, поскольку потребовалась помощь друзьям. Упреков он не услышал и вздохнул спокойно.

С собой Витя принес пакет сухарей и граммов двести сыра в нарезке. Наташка сочла это благоприятным знаком и решила продвинуться дальше по дороге определенности:

– Витя, а почему ты меня к себе не приглашаешь?

– Да ты что, мои родители с дуба рухнут, если увидят меня с тобой!

Эту фразу можно было толковать двояко. Можно подумать, что Наташка – страшное чудовище и вообще не пара Вите, а можно понять так, что родители просто удивятся, что у сына появилась девушка. Наташка не стала уточнять, но какое-то отчуждение появилось в ней к Вите. Он почувствовал изменение отношения, но не огорчился. Ему нужна была беспроблемная девочка, а не Наташка, которую вскоре нужно было кормить и решать ее жилищные вопросы. Одно дело – ночевать у девочки, совсем другое – взять на себя ответственность за ее жизнь. Я бы на себя не стал брать такую ответственность ни за кого.

Витя стал появляться через раз, однажды его не было две ночи подряд. Денег у Наташки оставалось все меньше, она поняла, что на Витю надеяться не нужно, и решила позвонить Сереже.

– Приезжай, – сказал тот. – Поговорим.

Добираться нужно было в один из спальных районов Арельска, но велик ли Арельск! Наташка отправилась туда пешком и через сорок минут звонила в дверь Сережиной квартиры. За дверью, аккуратно обитой реечками, покрытыми морилкой и лаком, долго не отзывались. Наконец Наташка услышала, как открывается замок. Сергей, почти не взглянув на гостью, буркнул:

– Привет, проходи!

Он направился на кухню, а Наташка завози-

лась, снимая куртку и обувь и осматривая видимые уголки квартиры.

В двухкомнатной квартире-вагончике было уютно. Девушка сразу поняла, что Сергей живет не один. Не уделяет одинокий мужчина много времени благоустройству места своего обитания. Занавесочка на полке для обуви была сшита из ткани, украшенной мелкими цветочками, чей цвет гармонировал с цветом золотистых однотонных обоев. Стену прихожей украшали две фотографии в рамках, на фотографиях были изображены букеты в вазах. Наташка подумала, что мужчина вряд ли будет вешать на стену такие украшения.

Она постеснялась убрать свою курточку в шкаф-купе, створки которого были закрыты, и, свернув, положила на полку для обуви. Тапки, стоявшие возле полки, тоже постеснялась надеть и прошла так, в носочках.

Кухня не напоминала нору холостяка. В ней было множество утвари и принадлежностей, названия которых Наташка не знала. Поставь ее хозяйкой на этой кухне, она легко обошлась бы третьей, а то и четвертью имеющихся вещей. Видно было и то, что хозяйка на этой кухне некоторое время не появлялась и за это время в мойке успела вырасти горка грязной посуды, а на плите появились жирные пятна.

Сергей сидел за столом в мятом спортивном костюме, перед ним на сковородке стыла яичница, рядом стояла ополовиненная бутылка водки.

– Можно я посуду помою? – спросила Наташка, в нерешительности остановившись перед газовой колонкой.

– Оставь, не надо! – резко сказал Сергей. – Сядь, выпей со мной.

Он тяжело поднялся, достал тарелку, на которую выложил со сковородки половину яичницы, желтки которой растеклись, несколько капель упали на стол. Сергей не обратил на это внимания. Он поставил перед Наташкой рюмку и разлил водку:

– Ну, за встречу!

Наташка, до того пившая весьма умеренно, можно сказать, не пившая вообще, решила выпить залпом, как делала это ее мать. Девушка чувствовала себя неловко в этой чужой квартире, и она надеялась, что водка поможет расслабиться и взять себя в руки.

Наташка потом говорила, что водка не помогла, но, зная девушку, я думаю, что именно водка развязала ей язык, когда она осмелилась спросить:

— Сережа, а ты говорил, что у тебя жены нет?

— Сейчас — опять нет! — усмехнулся Сергей.

Он стал рассказывать.

— Видишь, в чем дело. Жена у меня есть. Но мы постоянно ссоримся. По любому поводу. Ей не нравится, что я надолго уезжаю, а ты знаешь мою работу: вахта. Сейчас, правда, только в городе строим, не сезон. Я ей говорю, давай, мол, в деревню перееедем, фермерством займемся. Она не хочет. Где, говорит, там сына учить? В деревенской школе? Так ведь сейчас этих компьютеров-шмонтьютеров полно, включил — получай знания.

Сережа ткнул окурком в переполненную пепельницу, тут же прикурил новую сигарету. Продолжал, не глядя на Наташку:

— Жена — биолог. Где, говорит, я там работать буду? Здесь — научный центр, лаборатория. А там что, кроме коровника? Хотя я думаю, если ты биолог, так тебе прямая дорога в фермеры. В общем, не получается у нас с ней совместная жизнь. Тогда, когда с тобой познакомились, мы в сильной ссоре были. Я решил — все, развожусь. Приехал — помирились. Сейчас опять в ссоре. К маме ушла. Вот такая простая история.

Сережа вновь наполнил рюмки и, видя, что бутылка пустеет, достал из холодильника вторую.

— Ты извини, если я тебя обидел чем, — сказал он Наташке. — Не хотел, честное слово.

— Что не хотел? — тихо спросила девушка.

— Обижать не хотел. Давай!

Наташка выпила и вторую.

— Включи колонку, я все же посуду помою, — предложила она, поднимаясь с табуретки.

— Ну, хочешь, так помой, — согласился Сережа. — Да, а у тебя-то как жизнь протекает?

Оттирая пригоревший жир на сковородках, отмывая тарелки, Наташка рассказала о своей жизни. Упомянула и о том, что денег нет. Что жить не на что.

Сережа сказал:

— Денег я тебе дам. Немножко, правда. Много у самого на руках нет.

Наташка запротестовала, но он прервал возражения:

— Не спорь! Не тебе дам, так пропью. А так я се-

бе еще на пару дней оставлю, чтоб не очень грустно было, а там и на работе аванс подоспеет.

— А как же ты работаешь пьяный?

— Я работаю трезвый, а пью вечерами. Много, правда, но пока получается по утрам трезвым быть. А вообще, в деревню ехать надо, фермером становиться, а то сопьюсь здесь с такой жизнью.

Наташа не осталась у него ночевать, да он и не предлагал. Она почувствовала себя ненужной в этом доме, почувствовала, что не надо ей влезать в эти сложные семейные отношения взрослых людей, не принесло бы ее вмешательство добра ни ей, ни Сергею.

Он на прощанье, может, из вежливости, может — искренне, предложил:

— Ты заходи, когда туго будет. Чем смогу — помогу.

— Спасибо, я тебе деньги отдам, честно, как только заработаю, — сказала Наташка, стоя на пороге.

— Конечно! Пока!

Я потом дразнил Наташку, спрашивая, как же эта тургеневская девушка взяла деньги у чужого мужика? Ведь на работе ничего не клеилось, ничто не предвещало заработков. Она действительно хотела отдать этот долг или подумала, что возьмет деньги в качестве платы за ночи, которые Сережа у нее провел?

Знаю-знаю, не надо задавать таких вопросов. Знаю, что Наташка могла обидеться и уйти. А тогда я и хотел этого. Хотел, чтобы из-за невинного вопроса она собралась и умотала из моей квартиры, оставив меня одного. И я тогда убедился бы в том, что женщины глупы и недалбы, если, обидевшись на вопрос, они могут себя оставить без крыши над головой.

Но моя провокация не удалась.

— Когда ему нужна была помощь, я ему помогала. Когда помощь потребовалась мне — он мне помог. Что здесь такого?

Все же Наташка была расстроена встречей. Когда дверь Сережиной квартиры захлопнулась за ней, девушка пожалела себя. И такая острая это была жалость, так хотелось плакать из-за всех жизненных нескладух, что Наташка и решила выплакаться, только отложила плач по своей горькой жизни до момента возвращения домой. А чтобы плакать было удобнее, она по пути купила бутылку портвейна и после рыдала на кровати, время от времени наливая

себе в чашку по чуть-чуть. Приятная одурь обволакивала голову, постепенно уходили из сознания проблемы с работой и мужчинами, девушка уже не думала о том, что скоро нужно будет искать новое жилье, поскольку платить за это было нечем, не думала о том, что Витя оказался гадом, а Сереже она не нужна. Но желание плакать не проходило, и, размазывая слезы по щекам, Наташка чувствовала, как все легче становится на душе. Она не заметила, как заснула, но, не проспав и пары часов, проснулась от головокружения и тошноты. Она еще не знала о том, что нельзя смешивать портвейн и водку, да и откуда ей было это знать! Выворачивающие судороги мучили тело, когда девушка, держась за стенки, дошла до отхожего места и упала на колени перед унитазом. Прошли мучительные полчаса, пока желудок освобождался от адской смеси, а потом она ползком добралась до кровати и забылась в тяжелом сне. Утром, проснувшись в остывшей комнате на сбившейся, мокрой от пота постели, Наташка подумала, что никогда больше не будет пить. Она долго приходила в себя, пила горячий крепкий чай, и постепенно голова прояснилась. А как только это произошло, девушка поймала себя на мысли, что хоть и тяжело пришлось ночью, а все же вечер был хорошим. Ей понравилось это состояние, когда алкоголь отключает голову, заставляя забывать о нерешенных вопросах, вселяет уверенность, что все непременно будет хорошо, дарит приятное тепло и эйфорию. Позднее, когда Наташка приходила ко мне пьяная, я объяснял, что, имея такую наследственность, как она, такой склад характера и такие теплые отношения с алкоголем, ей пить-то не надо. Если девчонка ночью вызывает Ихтиандра над унитазом, а на следующий день ей кажется, что можно продолжить употребление, это явный звонок алкогольной зависимости. Не знаю, верила ли мне Наташка, она предпочитала не комментировать мои слова.

А тогда благодаря Сережиным инвестициям она могла, по крайней мере, не умереть от голода до конца месяца.

Вскоре под конец рабочего дня Наташка пила кофе с Юлей в редакции их газетки. Она была довольна тем, что может отплатить Юле за теплоту, сочувствие и поддержку, купила

коробку конфет и пирожных-наполеончиков и даже баночку растворимого кофе. Разговор шел о Наташкиных неудачах, и Юля опять старалась поддержать ее:

— Знаешь, мне тоже с работой не очень везло. Я в школе работать не хотела, да и не уверена, что меня взяли бы. Родители денег собрали, я окончила истфак. А потом шла куда возьмут. В сауне была администратором. Но ушла через неделю, когда надоели пьяные похотливые морды. Почему-то мужики думали, что если девушка работает в сауне, то она обязательно будет с ними... Ну, ты понимаешь. Деньги предлагали, но я не хотела так зарабатывать. В поликлинике в регистратуре работала. Скучно стало, женский коллектив, интриги какие-то, сплетни. Ушла, дома сидела. Сейчас здесь. Думала, тут работа с клиентами, живая, интересная. В общем, так оно и будет, если газета раскрутится, но пока... Все наладится, вот увидишь. Ты просто схватила за первое предложение и правильно сделала. Но ты не просто по фирмам ходи, ты спрашивай, может, где-нибудь продавец нужен и тебя возьмут. Или еще что-нибудь интересное предложат. Не бойся, все получится!

Эти разговоры с задорной Юлей всегда вселяли в Наташку энтузиазм. И сейчас она вдруг хлопнула себя по лбу:

— Юленька! Ты — гений! Как же мне самой это в голову не пришло! Я же все равно рекламы не приношу, так чего без толку ходить, надо с толком ходить, искать работу!

— Подожди, подожди, — остановила ее порыв Юля. — Ты продолжай ходить как рекламный агент. Во-первых, может, рекламу дадут, а во-вторых, увидят, что ты не с улицы, что девушка при деле, а не просто безработная. Так у тебя будет больше шансов.

В порыве благодарности Наташка чмокнула Юлю в щечку и счастливая побежала домой. Жизнь вновь показалась ей наполненной интересными перспективами. И такое настроение владело ею целый вечер. Но утром, проснувшись в этой удивительно быстро остывавшей комнате, она уже не так радостно отнеслась к нарисованной Юлей перспективе.

И вновь она остро ощутила одиночество и свою чужеродность этому негостеприимному городу, в жизнь которого она никак не могла

вписаться. Когда она мне об этом рассказывала, я думаю, понимал ее, понимал, как может мучить одиночество. Единственно, для меня было странным, что это чувство может наступать утром. Утром, какие бы заботы ни грызли тебя, знаешь, что впереди лежит день, когда можно изменить ситуацию. Надо лишь выйти из дома и начать действовать, работать, встречаться с людьми. Эта деятельность затягивает, скучать не приходится, хотя бывает, что и видеть никого не хочется. Журналист, который не желает видеть людей, говорить с ними... Странно, но объяснимо. Я перестал видеть смысл в своей работе, мои взгляды на жизнь слишком далеки от взглядов общества.

А вечером одиночество вползает в квартиру и душу. Давно-давно я не умел с ним справляться. Нет, не то говорю. Справиться с ним невозможно. Я не умел с ним жить, сосуществовать. Когда жена с дочкой уезжали куда-нибудь в Египет или Турцию, я вечерами на стенку лез, выл от одиночества и ненужности. Я одевался, шел в кино или в кабак, но и там чувствовал себя одиноким и чужим, поскольку осознавал: пройдут два-три часа, люди разойдутся к себе, а мне надо будет идти в пустую квартиру. Мне было тяжело одному провести даже пару дней. Даже пару часов. Если жены не было дома вечером, уложив дочку, я начинал звонить и выяснять, где она. Звонил ее подругам и, так сказать, партнерам по бизнесу.

— Почему ты меня разыскиваешь? Я себя чувствую как на иголках! Ты ставишь меня в дурацкое положение! — возмущалась жена, вернувшись.

— Я о тебе беспокоюсь, — объяснял я.

— Ничего подобного, ты о себе беспокоишься! — безапелляционно заявляла она. — Это тебе не хочется сидеть одному, это ты волнуешься и хочешь успокоить себя, прекратить это волнение. Я вижу в этом только твою вечную заботу о себе! У меня бизнес, деловые встречи, именно я содержу семью!

В конце концов, я подумал, что она права. И больше никому не звонил.

Меня перестало интересовать, где и с кем она проводит время, в котором часу вернется. Наши отношения зашли в тупик. Потом у моей мамы случился инсульт, ей потребовался постоянный уход, и мне пришлось пересе-

литься в старую родительскую квартиру. Мы все меньше общались с женой, и когда мамы не стало, я уже считал своим домом это жилище, где она простилась с миром, где обитали теперь мои воспоминания о родителях и обо мне маленьком. Я люблю свою квартиру, люблю все старые вещи, которых касались мамыны или отцовские руки. Люблю смотреть на посуду в серванте, которой практически не пользуюсь, мне хватает нескольких тарелок и кружек на кухне. Эту посуду когда-то мама принесла домой, радуясь, что удалось достать в нашем бедном городе. Люблю книги, которые читал прежде папа, усевшись на маленькую табуреточку в кухне у окна, попыхивая папироской. Сейчас мне нравится сидеть на той же табуреточке, которую мне пришлось несколько раз ремонтировать, поскольку не хочу ее выбрасывать. Сидеть, курить и смотреть на жизнь, проходящую во дворе. Особенно поздней осенью люблю смотреть на небо в патине голых тополиных ветвей.

В этой квартире я научился жить одиноко, потому, наверное, что здесь едва ли не все напоминает о дорогих моему сердцу людях, которые любили меня только за то, что я есть, и каких больше на моем жизненном пути никогда не встретится. Я смирился с одиночеством, оно больше не гнетет меня. Но Наташка еще молода, ей еще предстоит учиться этому.

Утром, о котором я рассказываю, затянутая в плен одиночества, Наташка долго не хотела вставать. Лежа на кровати, она протянула ладонь к окну, из щелей в котором в комнату проникал холодный воздух, ощутила поток этого воздуха и допустила, что и на этот раз ее пазлы могут не сложиться в цельную картину и ей вновь придется искать пути там, где их нет. Но нужно было жить и действовать, а потому, заставив себя подняться, попив чаю и собравшись, она приступила к поискам новой работы, решив поближе к концу рабочего времени позвонить своему третьему городскому другу.

Первый день не принес удачи в поисках новой работы. Большинство тех, кому она предлагала свои услуги, предварительно расписав достоинства газеты, просто отказывали, некоторые посмеивались над ее рассказами о газете, что ж, мол, ты с такого хорошего места уходишь? Кто-то сочувствовал, дескать, не хлебная работа у

рекламного агента, предлагали заглянуть попозже, через месяц-другой. Наташка поначалу все больше расстраивалась, потом решила про себя, что не уверенному в себе человеку отказывать будут все и всегда. Она постаралась себя уверить, что хоть один потенциальный работодатель из сотни возьмет ее на работу. Значит, нужно поговорить с сотней работодателей. Каждый отказ, таким образом, приближает ее к желаемому результату, нет повода расстраиваться. Мыслишку о том, что она будет делать, получив сотый отказ, Наташка отбросила, решив подумать об этом позже, когда сотня будет исчерпана.

Она не сама придумала эту методику. Такой способ договариваться с собой использовали бродячие торговцы в Америке, навязывавшие клиентам различный товар, от книг до газонокосилок. Потом, уйдя на покой, эти торговцы писали книжки про долгий жизненный путь и достижение успеха. Книжки с упоением переводились в России, переводятся и сейчас. Их немало прочла Алесья, щедро делившаяся полученными знаниями с девчонками в редакции, когда забегала туда узнать, не обещают ли денежные всходы богатый урожай. Наташка умела быстро учиться и намотала на отсутствующий ус хорошую идею.

После обеда, состоявшего из булочки и чая, сидя в маленьком кафетерии, Наташка позвонила Пете. Тот не сразу понял, кто ему звонит, но, когда вспомнил, на встречу согласился легко и пригласил на свидание у «рунопевцев».

Бронзовые «рунопевцы» — Карл Маркс и Фридрих Энгельс — много лет украшали ту же площадь Кирова, о которой уже шла речь. Они сидели на высоком постаменте, только что за руки не взявшись, как древние сказители народных песен-рун. На головах классиков вечно топтались голуби, а у подножия назначались свидания.

Наташка издали увидела высокую фигуру Пети, терпеливо поджидавшего ее уже за пятнадцать минут до назначенного времени. Что мне нравилось в Наташке, это отсутствие в ее голове стереотипов, которые наши девушки впитывают с молоком матери. Однажды задержавшаяся подруга сообщила мне: «Девушки должны опаздывать!» Кому должны? Почему должны? Кто им об этом сказал? Наташке таких бредней никто не говорил, и сама она, к

счастью, до них не додумалась. Поэтому, боясь опоздать, тоже пришла раньше.

Увидев Петю, она счастливо рассмеялась. Еще бы! В первый раз мужчина принес для нее букет! Пусть это были недорогие белые гвоздички, но — цветы! Для нее!

Она взяла букет и опустила глаза, не зная, что делать дальше: обнять, поцеловать, взять под руку... Петя сам, наклонившись, чмокнул ее в щеку и предложил:

— Пойдем гулять?

Они гуляли до позднего вечера сначала по парку, пиная скукоженные от холода кленовые листья, потом спустились на набережную, а когда стало темно, вновь поднялись на освещенные улицы. О чем они говорили, Наташка не помнила или не хотела пересказывать мне. Дескать, так, о том о сем, трепались, смеялись, гуляли, взявшись за руки. А потом провели вместе ночь.

Я не знаю, что на самом деле думала Наташка об этом парне. Она не очень охотно о нем говорила. Могу только догадываться, зная, что произошло позднее. Думаю, Наташка была очень тронута этим неожиданным букетом гвоздик. Но Петин характер ей не очень нравился. Однажды она сказала:

— Мы идем с ним, взявшись за руки, а у меня такое чувство, что я веду малыша, хоть он на голову выше меня.

Во время следующих встреч он задавал ей вопросы, на которые ей не хотелось отвечать. Выяснял, точно ли, что он был ее первым мужчиной, нудно рассказывал о прочитанном где-то мнении, что ребенок будет обязательно похож на первого мужчину, даже если переймет и некоторые черты отца.

Наташка мало говорила о нем, потому что испытывала к нему благодарность, так мне кажется. Рассказывать о времени, проведенном ими вместе, она считала предательством по отношению к Пете. Хорошо или плохо они проводили время, я не знаю. Думаю, Наташке было скучно с ним. В конце концов, он сделал ей предложение. Но это случилось позднее, уже после того, как она оставила мой дом.

— Почему ты отказала? — спросил я. — Ведь он, наверное, был бы тебе хорошим мужем.

— Понимаешь, он перед этим путано говорил, что сожалеет о случившемся между нами

в поселке, что это он своим поведением подтолкнул меня к другой жизни. Уточнять, к какой — не хотел. Я так поняла, он считает меня чуть ли не падшей женщиной, а себя виновным в этом. И, чтобы искупить вину, он хочет на мне жениться.

— Так выходи за него! Пусть искупает свою вину, честный мальчик!

— Несуществующую вину. Какая разница — он первый, не он первый. Знаешь, мне в жизни всегда отца не хватало, а он совсем маленький. Переживает, как меня родителям представлять, что мама скажет и все такое. Я не хочу за него замуж, мне скучно с ним.

Но все это было позже, а тогда Наташку по-прежнему беспокоили мысли о завтрашнем дне. Все рухнуло в один момент, когда однажды вечером к ней явился хозяин квартиры и попросил выехать.

Наташка робко возразила:

— Но ведь месяц еще не кончился.

— Так-то оно так, красавица, но я тут покупатель нашел. Переживет братан, он еще не скоро вернется, а деньги мне сейчас нужны. Так что, извиняй, надо тебе искать другую хату!

Хозяин не постеснялся даже пригласить покупателя в этот же день, не дождавшись, пока Наташа уедет.

— Не дрейфь, девочка! Может, ему что не приглянется, хотя мне этого не хотелось бы.

Покупателю понравилась квартира, о цене они договорились заранее и оставили ее неизменной.

— Давай завтра съезжай! — сказал Наташке хозяин, и она даже не попыталась выпросить хоть несколько дней на поиски нового жилья. Сказали, значит, надо съезжать.

Правда, мужичок высчитал, сколько она переплатила за те шесть дней, что уже не будет занимать квартиру, и вернул часть суммы. Но, поскольку плата за эту халупу была невелика, Наташка не разбогатела.

Положение усугублялось тем, что Петя за день до этих событий был отправлен на вахту в район. Да Наташа вряд ли получила бы от него помощь, что он мог тогда сделать? Разве что пораньше предложил бы замуж пойти. А ведь, наверное, пошла бы от безысходности. Но судьба не допустила этого, Наташка осталась на улице.

Она вечером отвезла сумку в камеру хранения на вокзал, переночевала в последний раз

на своей съемной квартире, и — спасибо этому дому, пойдем к другому.

Искать квартиру по объявлениям не было смысла, за квартиру надо платить, а платить нечем. Наташа пожаловалась на беду Юле, но и та не могла ей ничем помочь. Вечером она, бесцельно проблуждав по городу, ехала ночевать на вокзал, испытывая последние шансы, звонила Вите и Сереже. Эти звонки слышал я, сидящий рядом с ней. Что было дальше, ты знаешь. Наташка и ее сумка оказались у меня.

— Я вам не помешаю? — спросила девушка.

— Перемены бодрят, сказала бабка, вытирая стол кошкой! Эту финскую поговорку часто произносила моя бабушка. И говори мне «ты».

Наша первая беседа затянулась, а потом мы легли в постель, и таких ночей я не много припомню за свою жизнь, может быть, их и вовсе не было. В моменты наивысшего подъема мне казалось, что я уже люблю эту девочку, люблю так, как не любил никого. Что-то происходило в эти моменты с моей головой.

Утром, да и почти весь следующий день мы оставались в постели, вновь принимая друг к другу. Отрывались только на то, чтобы попить чаю с всегдашними бутербродами с сыром.

Наташка решила не идти в этот день на работу, а я обычно работаю дома, появляясь в своей редакции на планерках, да захожу сдавать написанные материалы, посмотреть верстку. В общем, легко мог задвинуть день и провести его так, как вздумается.

Наташка мне очень понравилась еще и тем, что была не ленива в постели. Она не демонстрировала женского снисхождения, когда они лишь позволяют мужчине удовлетворить инстинкт, а сами не прикладывают к процессу усилий. Я видел, что Наташке нравится происходящее, видел, что она старается усилить неземные ощущения, свои и мои, и от этого заводился больше и больше. «Камасутра», осуществляемая не по книжному руководству, а по зову тела, по наитию, властвовала в моей постели в ту ночь и в тот день.

Только под вечер я выбрался в магазин, чтобы пополнить запасы кофе, сыра и хлеба. Купил даже мороженых котлет и макароны, хотя такие траты не планировались, но нужно же было кормить гостью.

Ночь прошла не так бурно, как предыдущая,

но подарила ощущение спокойствия и стабильности, что позволило мне утром сесть за свой ноутбук в хорошем настроении с намерением свернуть горы, то есть написать материал в очередной номер журнала.

В последние месяцы я все с меньшей охотой писал, поскольку почти не видел смысла в своей деятельности. Нет, в принципе, я уважаю свою профессию. Когда мне пару раз пришлось работать, сочиняя главы в выходящие в нашей области по заказу местного правительства книги, я очень четко осознавал необходимость своей профессии. Я — летописец. Если мы не напишем о каком-либо событии, уже через несколько лет мало кто об этом событии вспомнит, оно будет навсегда погребено под новыми страницами истории, его шансы на жизнь в памяти потомков будут равны нулю. Я начинал работу не в той журналистике, которая существует сейчас. Тогда это была престижная профессия, мои материалы читались и обсуждались даже в партийных органах, вызывая критику и неприятие партийных бонз. Потом я был одним из первых, кто писал у нас о пробуждении воли народа, о демократических выборах, о свободе, которую мы могли хлебать полными ложками, о деятельности народных лидеров, направленных нами в Верховный Совет. Те лидеры сгнули, меня, как и многих, постигло тяжелое разочарование в жизни и профессии. Сейчас молодая девушка презрительно морщит носик, узнав, что я журналист. В профессии вольготно чувствуют себя те, кто присосался к деньгам каких-то фондов, кто прогибается перед местными олигархами, получая, помимо газетной, вторую зарплату в какой-нибудь пресс-службе. Те, кто научился врать. А я всегда писал правду, только теперь пишу не всю правду. И это помогает сохранять место в журнале, выходящем на бюджетные деньги.

Я думаю, в столицах положение еще хуже. Журналистика вспомнила, что появилась сразу вслед за проституцией. Как проститутки, как сутенеры, наркодилеры и бутлегеры, журналисты делают деньги на самых низменных пороках, сочиняя для быдла, пускающего слюни любопытства, байки про псевдозвезд. Я не смотрю телевизор. Я не читаю газет, меня тошнит от них. Все, что я читаю, это романы лати-

ноамериканцев и скандинавов. Латиноамериканцев я считаю очень близкими нам, в их странах такая же разруха в головах и душах, а скандинавы показывают, к чему мы придем в самом лучшем случае, если жизнь повернется к нам своей красивой стороной. Мне не нравится это будущее, я задыхаюсь в настоящем, я с тоской смотрю в прошлое, где не надо было считать копейки и волноваться из-за грядущей нищей старости.

Но в то утро меня не одолевали эти грустные мысли, я работал с охотой, и мне удалось создать текст, который потом хвалили за содержащийся в нем уместный юмор, за остроту взгляда, за образы, роднившие его с литературой. Меня даже сырость, проникавшая с улицы в дом, где еще не было включено отопление, не мучила в то утро, будто Наташка теплом своего тела смогла высушить эту сырость.

Сама Наташка читала лежа в постели, это занятие стало ее обычным времяпрепровождением на ближайшие недели. Она не уставала говорить мне спасибо за то, что у нее появилась крыша над головой, но ее благодарность вскоре стала меня раздражать. Девчонка, будто умелый психолог, заставляющий людей делать то, что нужно ему, манипулировала мной, создавая ситуацию, когда мне неудобно будет указать ей на дверь. Но это должно было случиться, я нисколько не сомневался в этом. Карфаген должен быть разрушен, враг будет разбит, победа будет за нами, цели ясны, задачи определены, Наташка найдет работу и жилье и уйдет из моего дома.

Я не верил ей, как не верю и сейчас. Я думаю, любая, абсолютно любая девушка на ее месте будет действовать по одному сценарию. Если она решит, что одинокий, не очень успешный мужчина с квартирой в центре города — это хорошая партия для нее, значит, она захочет ребенка. А получив ребенка, воцарится здесь на правах хозяйки, заставив меня обеспечивать свое существование, прикрывая потребительские запросы наличием младенца. Дудки! Я никому ничего не должен и не хочу влезать в долги. Никаких младенцев! Никаких содержанок! Только честные партнерские отношения. И пусть те женщины, которые считают, что, давая мужику свое тело, совершают для него благодеяние, за которое он должен

расплачиваться, идут лесом, засунув такие идеи туда, откуда их трудно будет достать. Уф!

Косвенно Наташка как-то раз подтвердила эти мои размышления о потребительской сущности девушек. Включив игнорируемый мною телевизор, она смотрела передачку об отдыхе туристов на Гоа. А потом мечтательно произнесла:

— Хорошо бы мы с тобой собрали денег и поехали вместе на море! Можно даже кредит взять, сейчас многие в кредит ездят, Алеся, Юля, например.

Я вышел из себя, хотя говорил, стараясь взять себя в руки:

— Кредиты, Наташа, даются не бесплатно. Их надо отдавать и за них надо платить. Я со своей зарплатой не могу позволить себе эти гламурные путешествия, а ты на сегодняшний момент вообще не работаешь. Кто будет оплачивать поездку?

Наташа смутилась:

— Ну, может, потом как-нибудь. Надо просто об этом подробно пометчать, и все сложится волшебным образом.

Нет, не сложится ни сейчас, ни потом. Нет ничего такого, что обещало бы исполнение таких планов. Скорее акулы разведутся в нашем мерзлом озере, дубы заменят собой сосны и ели в наших суровых лесах, июльские северные ночи станут чернее прикида подростка-гота.

Наша совместная жизнь доставляла мне мало радости, хотя я старался выстроить ее в соответствии с моими представлениями о необременительном сосуществовании. И Наташка, надо признать, старалась делать все, как скажу я, чем напоминала героиню запомнившейся мне средневековой корейской повести «Верная Чхунхян». Один из первых абзацев с юности врезался в память и заставляет сердце сладостно замирать, когда я представляю, что такой могла бы быть моя семейная жизнь. Это когда Чхунхян подходит к своему супругу и говорит: «Господин мой, наверное, я так хорошо вела себя в прежней жизни, что бог позволил мне в этой стать вашей женой». Да, я сатрап, тиран, знаю все, мне это говорят все женщины, с которыми я общался. Обзывают меня домоостроевцем, не понимая того, что говорят. Семьи, живущие по «Домострою», если б нашлись такие, были бы счастливы, потому что это очень мудрая книга. Женщин возмущает право учить их, данное мужчинам. Так они говорят, но мне

кажется, что не этим на самом деле они возмущены. «Домострой» закрепляет за женщиной важнейшие функции по управлению домом, по обеспечению жизни. Чтобы соответствовать таким требованиям, надо много трудиться и надо уметь сдерживать свои амбиции.

Наташка поутру, когда я сел работать, побегала на кухню жарить котлеты. Услышав шипение масла на сковороде, я прибежал за ней и попросил ее больше так не делать. Я привык готовить сам, сам и буду продолжать это делать, сам буду определять расход продуктов. В конце концов, это я взялся какое-то время опекать Наташку и должен быть уверен, что смогу это сделать.

Наташка, улыбаясь, смотрела, как я разламываю смерзшиеся котлеты, укладывая их на сковороду.

— Ты был бы просто кладом в семейной жизни! — сказала она. — Женщине даже готовить не надо!

Я решил извлечь из этих слов еще больше пользы и потому сказал:

— Да, если женщина хорошо себя ведет, особенно по ночам!

— А я хорошо себя веду?

— Восхитительно! — ответил я и стал пить ее губы.

С тех пор Наташка стала спрашивать разрешения, даже когда хотела просто поставить чайник. И это тоже стало меня раздражать. Но я сдерживался.

В принципе, меня устраивало в Наташке все, кроме нее самой. Достаточно было посмотреть на то, как она наклоняется, уронив что-либо или рассматривая книги на нижних полках стеллажей. Ее попа облаком, огромной тучей, кроной дуба висела над ногами. Я отводил взгляд от этого неэстетичного зрелища. Я понимал, что она нужна мне ночами, а днем чем тише она сидела в углу кровати, тем лучше.

Постепенно я стал выводить ее в свет. Мне было неловко с ней появляться, когда она вечно в одних и тех же джинсах сопровождала меня, но покупать ей наряды не входило в мои планы. Это бы уже слишком напоминало семейные отношения, которых я хотел избежать.

Как-то в редакцию принесли приглашения на фестиваль европейского фильма, и пять вечеров мы с Наташкой посещали городские кинотеат-

ры. После по дороге домой мы обсуждали увиденное. Эти разговоры сильно отличались от когдатошних наших бесед с женой, которая всегда стремилась навязать свою точку зрения.

С Наташкой было по-другому. Я спрашивал, что она думает о том или ином фильме. Иногда она честно говорила, что ничего не поняла. В житейских, простых на первый взгляд историях она не видела подтекста, не вычленяла психологических пружин, которыми были обусловлены действия персонажей. И я мягко, не навязывая своего видения, говорил, что, на мой взгляд, этот фильм о том-то и о том-то. Такие же разговоры были у нас и после посещения выставок моих знакомых художников. Эти выставки время от времени обновлялись в залах Арельского музея искусств, в выставочных залах. Я делился своими впечатлениями, Наташка задавала уточняющие вопросы и завершала беседу всегда одинаково:

— Какой ты умный!

Чхунхян, да и только! Я пытался разобраться в себе, понять, что меня не устраивает в Наташке, ведь она имела почти идеальный характер, я не встречал таких. Может быть, она напоминала мне жену в первые год-два совместной жизни. И понял, что не верю Наташке, боюсь, что она хвалит меня, слушается меня только для того, чтобы подольше остаться со мной, в моей квартире. Я предполагал, что это такая хитрая манипуляция с целью получить от меня максимум жизненных благ, тот максимум, который я был способен дать.

Вскоре я осознал, что привыкаю к ее присутствию, сам испугался этого. И потому вызвал на серьезный разговор, объяснив, что не буду вечно ее содержать, что она должна искать работу, снимать жилье, жить своей жизнью, дав мне жить моей.

Наташка еще и еще говорила, как много я для нее сделал, как она благодарна мне, и попросила три недели, в крайнем случае — месяц, чтобы найти работу, получить аванс и присмотреть где-нибудь комнатку. Я согласился, но уточнил, что месяц — это крайний срок.

В этот вечер я ожидал, что она обидится, каким-то образом проявит свое недовольство, но ночь прошла так же, как предыдущие, я снова забывал себя, проваливаясь в приятную невесомость, опустошая тело от боли, гнева, разочарований и забот.

Но такие чувства я мог испытывать только ночами, днем, когда я смотрел на ее грушевидное лицо, как у Луи-Филиппа на карикатурах, помещенных в школьных учебниках истории, мне становилось понятно, что наш альянс обязательно должен завершиться.

Я не желал расставаться с Наташкой навсегда. Мне бы хотелось сохранить ее как редкую, а может, частую гостью в моей постели. И не только эгоизм был тому причиной. Я очень четко понимал, что этой молодой девочке нужна другая жизнь, нужен любящий мужик, который будет счастлив с ней и с которым будет счастлива она, а не я, рефлексирующий интеллигент, плохо вписавшийся в нынешние условия, доживающий свой век, осознавая, что многие годы были потрачены впустую. Так я убеждал себя, что желаю ей добра, стараясь вытолкнуть в большой мир из своей норы.

Наташка стала уходить днями, чтобы искать работу, а вечерами так же тихонько читала книги или разговаривала со мной, если я не был занят работой. Однажды она начала разговор на волновавшую меня тему:

— А ты никогда не думал жениться еще раз?

— Нет, никогда! — резко ответил я, но моя резкость ее не смутила.

— В романах, которые у тебя тут лежат, часто описывается, как мужчина в расцвете сил находит свою любовь.

Я понял, что она имела в виду. Это книги о старых козлах вроде меня, которые влюбляются в юных красавиц и думают, что кружат им головы, на самом деле просто теряя свой разум.

— Даже в романах такая любовь оканчивается печально, — я уходил от разговора. — Кто-то из главных действующих лиц гибнет или находится на краю гибели. Как ты думаешь, почему?

Наташка не знала ответа на этот вопрос. Она просто не стала об этом думать, сосредоточившись на самой истории, а не на финале. Грустный конец заставил ее пожалеть героев, и только.

— Дело в том, — объяснил я, — что такие истории не имеют счастливого продолжения. Не могут иметь. Мужчина стареет, его молодая избранница вынуждена принимать его привычки, его образ жизни, но это нереально. Ее молодость не позволит ей это сделать. Счастье, весьма условное, если и будет, то вскоре завершится.

Об одной вещи я тогда умолчал. Герои романов

влюблялись в красавиц, в девиц, одним своим появлением несших свет в любой темный бар, где они появлялись. Дело могло происходить в Финляндии или на Кубе, но девчонки были красавицами, хоть скандинавка, расставшаяся с бунтарем и маргиналом ради престарелого писателя, хоть гаванская хинетера, валютная проститутка. Наташка никак на хинетеру не походила.

Вечером я утвердился в этом. Местный поэт пригласил меня на презентацию своего нового сборника стихов, и я отправился в Городской выставочный зал, взяв с собой Наташку.

Презентация проходила вяло. Поэт читал стихи про деревенских бабушек, не находившие отклика в моем сердце, какой-то бард пел песни на эти стихи под три гитарных аккорда, старик — местный классик — говорил о поэте как о молодом и перспективном, хотя поэт был старше даже меня, школьная директриса в своем выступлении делала упор на то, что эти стихи не стыдно читать детям... Наташка внимала этому общему бреду затаив дыхание. А для меня действие было бы скучным, если бы на скамье передо мной не сидела девушка с тонкой талией, совсем такой, какой в юные годы могла гордиться моя жена. Закрыв глаза, я и сейчас представляю эту девушку. Лица ее я так и не увидел, но помню волну каштановых волос, закрывавшую плечи, падавшую на серый обычный свитерок, обтягивавший тонкую спину. На спинке меж продольными, едва угадывающимися ложбинками выступал гребешок позвонков. Я взглядом нежно прошелся по нему, ощущая каждую впадинку и выпуклость, прошелся до самого низа, скрывавшегося в мелких черных джинсах. Мелкие джинсы не закрывали голую поясницу, которую тонкой нежно-розовой ниточкой пересекали трусишки-стринги, воздушные, прозрачные, почти незаметные. Мне казалось, что дрожь сотрясает мое тело, когда я неотрывно смотрел на эту тонкую спину и мысленно рисовал себе портрет ее обладательницы. Я уже не слушал того, что говорили поклонники творчества поэта, потому что вся поэзия мира была сосредоточена сейчас между моими глазами и спинкой моей юной соседки, в этих пятнадцати-двадцати сантиметрах. Судорожно сглатывая в желании впитаться губами в то, что было передо мной, я думал, что забыл бы

все рациональные объяснения, даваемые своей Чхунхян, будь на ее месте эта тонкокостная девушка. Я не осмелился к ней прикоснуться, хотя для того, чтобы сдержаться, потребовалось огромное усилие воли, я мысленно превратил свою руку в неподъемную гирию, оторвать которую невозможно.

Поняв, что не в силах выносить эту томительную муку дальше, я шепнул Наташке, что нам пора идти, и мы ушли, дождавшись удобного момента. Ей я объяснил уход подпрыгнувшим давлением, что избавило меня от необходимости как-то говорить с Наташкой о стихах и презентации. То же на следующий день я сказал и поэту, извинившись за ранний уход. Я был рад, что не увидел лица той девушки, боясь разрушить очарование, сберегая в памяти ощущение, полученное, когда я вдыхал цветочный запах ее волос.

Это событие вновь заставило меня почувствовать себя одиноким, потому что я не мог им поделиться ни с кем, и прежде всего с Наташкой, опять тихо сидевшей в углу.

Сладкое и дурное томление не покидало меня долго, оно и сейчас возвращается, когда я вспоминаю об этом, но уже тише, приглушеннее, как отзвук прежде пережитого. А тогда очень кстати мне достались входные билеты на выступление одного нашего пианиста, игравшего популярные мелодии «Аббы» и «Битлз». Игра его была лаконичной, но за четкими музыкальными штрихами появлялась возможность отдаться чувствам, вызванным волшебными мелодиями. Выступление проходило в арт-кафе, что разместилось в подвальном помещении филармонии. Кафе было известным, городская тусовка часто собиралась в нем отпраздновать какое-либо событие, потанцевать, найти друг друга. Одно время я часто там бывал одинокими вечерами, но в последнее время отчаялся найти хоть что-нибудь интересное или кого-нибудь, с кем мне будет приятно общаться.

Перерыв благотворно подействовал на меня, я с удовольствием вошел туда, где провел немало вечеров, рассматривая танцующих, сидя на мягких креслах за столиками, освещаемыми пастельным цветом бра, рядом с которыми все так же висели фотографии знаменитостей, выступавших там, Б.Г., Гаспаряна и других, не все из которых мне были известны. Конечно, Наташка была со мной.

Мы пили вино, слушая пианиста, и вязкая дурнота последних дней покидала меня, уносимая мелодиями «Because» и «Happy New Year». В полумраке арт-кафе я неожиданно для себя посмотрел другими глазами на Наташку, ее некрасивость ушла в тень, что-то родное, домашнее проступило на лице и в фигуре, и я понял, что все больше привыкаю к этому существу. Мне захотелось сделать ей что-нибудь приятное, все же в данное время она была моей девушкой, и я вышел и купил ей продававшийся возле гардероба диск пианиста, записанный на одной из местных студий.

Ушел со сцены пианист, зазвучала громкая музыка техно, началось броуновское движение клиентов, ко мне подходили знакомые. Мы здоровались, перебрасывались малозначащими словами. Знакомые бросали взгляды на Наташку, но не уточняли у меня, кто это такая. Зато Наташка узнавала лица местных звезд, виденных ею по телевизору, и время от времени обращалась ко мне, прикивая к уху, перекрикивая музыку: «А это кто? Ой, неужели это тот, кто ведет спортивные новости?» На нее еще производили впечатление эти люди. Ей казалось, вот красивая жизнь, которую она видела на телеэкране, и теперь благодаря мне наконец-то оказалась прямо в ее гуще. Но удивление и радость деревенской девочки не трогали и даже не забавляли меня. Я знал этих людей, знал проблемы многих из них, понимал, что за внешним блеском, который и блеском-то казался только наивной моей спутнице, скрывается лишь желание обмануть себя, убедить в том, что жизнь идет полным ходом, что они востребованы, круты, талантливы и неотразимы. Мишура, новогодний дождик, радующий глаз при свете гирлянд и превращающийся в комок мусора, как только праздник закончится.

Однако мне было приятно производить впечатление даже на эту деревенскую простушку. Она восхищалась кругом моих знакомств и собственной близостью к нашей местечковой элите. Решив удивить и порадовать ее еще больше или еще сильнее погреть свое самолюбие, я окликнул проходившего мимо нашего столика пианиста, уже превратившегося в обычного клиента.

— Леша! Найди минутку для нас!

Когда он подсел к нам, я сказал несколько слов

о том, что его концерт нам безумно понравился, и попросил подписать диск в подарок для моей подруги. Даже в полумраке видно было, как он покраснел от удовольствия. Ласковое слово и кошке приятно, говаривал мой папа.

Пока пианист ставил автограф, к нам подошел и без колебаний бухнулся на диванчик Миша Барабанов, успешный владелец рекламного агентства. После приветствий он сообщил:

— Серега, у меня есть халтурка. Надо написать статью об одном хлебном заводике. Буквально — хлебном, не в том смысле, что очень богатом. Много денег не дам, но ты же знаешь — я тебя заказами не оставляю.

Это было хорошее известие, и я с готовностью согласился.

— Ну, вот и отлично. Значит, напишешь о том, какие... Какие сладкие булочки они выпекают.

Последние слова он произнес очень медленно, потому что смотрел на четко обрисованную попку одной из девчушек, оказавшихся возле нашего столика. Девчушки нарочито восторженно лили бальзам на душу пианиста. Тот с улыбкой протянул Наташке диск и попрощался.

— Леша, ты классно играл! Как всегда! — крикнул ему Миша, и пианист, благодарно кивнув, удалился в окружении своих юных подружек. Он не был плейбоем, зато был преподавателем нашего Арельского музыкального училища. Студентки пользовались случаем обеспечить себе хорошие оценки в зачетках.

— А что, Серега, не сходить ли нам как-нибудь в сауну? — предложил Миша.

Кивнув в сторону Наташки, он уточнил:

— Возьмешь свою подругу, я — свою, отдохнем, попаримся!

— Спасибо, Миша! Конечно, ходим.

Как же, пойду я с тобой в сауну! Ты же возьмешь какую-нибудь из своих многочисленных гурий и цыпочек, а я на нее только слюни буду пускать в присутствии Наташки. С тебя станется и Наташку оприходовать, выбрав удобный момент, ты же влюбляешь в себя девушек с одного щелчка! Спасибо-спасибо, поговорим об этом после.

Миша направился к стойке. Наташка проводила его долгим взглядом.

Танцпол заполнялся красиво выгибающимися девочками и дамочками, думающими, что выглядят не хуже. Перед ними гориллами,

выпячивающими грудь и причинные места, вытанцовывали мускулистые юноши, искавшие подруг. Возле стойки образовалась группа девушек, искавших кавалеров посольнее. Девочки не стеснялись предлагать себя хорошо одетым людям, бросавшим на них оценивающие взгляды: «Вы не хотите угостить меня вкусным вином?»

Появилось несколько «папиков» в сопровождении не очень юных, но все же значительно уступавших им в возрасте дамочек. Меня заметил руководитель одной строительной фирмы, для которого однажды я делал рекламный буклет. Тогда он был так доволен моей работой, что до сих пор при встрече говорит, что лучшего журналиста не знает. Компанию ему составлял чиновник, причастный к распилке бюджетного пирога. Между ними существовали хорошие деловые и дружеские отношения, об этом говорил весь город, но за их спинами, разумеется. Строитель узнал меня и, уже изрядно подогретый, обнял, изображая радость от встречи:

— Серега! Вскоре опять поработаем! Ты как?

— Всегда готов! — растянув губы в широкой улыбке, отвечал я, изображая ответную радость.

Чиновник, с которым мне приходилось видеться только на пресс-конференциях, вдруг оценил наше знакомство и похлопал меня по плечу:

— Привет акулам пера! Как сам?

— Отлично-отлично! — соврал я.

— Может, к нам присядете? — пригласил меня строитель, бросив взгляд на смущенно замеревшую Наташку.

За столиком, занятым «папиками», чирикали их дамочки, ухоженные, вылизанные визажистами, парикмахерами, массажистами.

— Спасибо, в другой раз.

— Ну, надумаете — подходите! — повторил приглашение строитель и удалился в сопровождении товарища туда, где их ждали ласки дамочек, принявших ослаблять галстуки своим кавалерам и снимать с них пиджаки. Белые рубашки засветились неоновым светом, слепившим глаза.

— Это кто? — спросила меня Наташка. Я честно ответил:

— Плесень!

Это была плесень, расплодившаяся в сыром

тумане нашего города, покрывавшая улицы, стены, дома. Плесень, размножавшаяся быстро, липнущая ко всему, до чего дотягивалась, и, что страшнее всего, превращавшая в плесень других людей, чувствовавших себя скванными, связанными, склеенными мерзкими, холодными, гнилыми нитями ее ковра. Общаясь с этими ублюдками, находившимися у блюда, наполненного деньгами, я сам себя начинал ощущать такой же плесенью, как они.

Видя горящие Наташкины глаза, я вдруг очень четко почувствовал, как плесень начинает заражать и эту девочку, манит ее обманчивыми обещаниями, туманит взгляд, показывая заманчивый фасад, сулит вечный праздник, которого на самом деле нет и не будет. И я увел Наташку, хотя видел, что ей хочется остаться, хочется подвигаться на танцполе, разрешив себе забыть о заботах и скорбях, нырнуть в этот мираж счастья.

Дома я был нуден. Я говорил, что нельзя заражаться обманом, говорил о том, что только труд, только терпеливая работа над собой может принести душевный покой. Я осознавал, что она меня не понимает, слушает, не возражая только из вежливости или благодаря своему доброму характеру. И это осознание опять заставило меня ощутить, как далеки мы с ней друг от друга, как различны наши желания. Мы никогда не могли бы быть вместе, не могли бы раствориться друг в друге. Она молода, и радости жизни будут притягивать ее к себе, а я, разочарованиями заплативший за обучение, не смогу ее удержать.

Все это заставило меня разволноваться, и ночью я расчесывал до крови свои ладони, первыми откликнувшимися на такие волнения. Волнения противопоказаны мне, кожа отвечает раздражением. Это началось еще в школьные годы. Помню, я учился в шестом классе, что-то не задалось с учебой, не выстраивались отношения ни с учителями, ни с одноклассниками, и на моей коже стали появляться зудящие мокнувшие пятна. Я постоянно расчесывал ладони, кожу на стопах, на бедрах и сзади, под ягодицами. Экзема не проходила, несмотря на все старания моей мамы. Были испробованы многочисленные мази, настои из трав, но каждую ночь я чесался. Чесался и днями, раздирая зудящие участки до того, что

на них выступала лимфа, высохавшая, приклеивая к ранам одежду. После школы я мучился от боли, отдирая присохшие носки от стоп, брюки и семейные трусы от ягодич, вместе с коркой, которой затягивались раны. И от этого вновь выступала лимфа. Я мучился от желания расчесывать кожу, но, даже если днем мне удавалось справиться с этим желанием, ночью во сне я все равно сдираю корки и утром выковыривал из-под ногтей омертвевшие чешуйки и засохшую кровь.

Мама, отчаявшись, раздобыла адрес какой-то бабки-знахарки и повела меня к ней. Седовласая бабка, жившая в благоустроенной квартире и бравшая за свои услуги только натуральный продукт, отказываясь от денег, колдовала в кухне. Она включала газовую горелку, недолго держала руки над ней, а потом шаманила, делая над моими ранами вращательные движения, тихо бормоча заклинания. Я прислушивался, стараясь понять, что она говорит, но разбирал только отдельные слова. Знахарка запретила мне мыться и сказала, что надо приходить к ней десять дней подряд. Но уже на третий день я стал покрываться коростой все больше. Стоя у бабки со спущенными штанами, грея попу у огня горелки, я услышал частичку заклинания. Но до сих пор не уверен в том, как в действительности оно звучало. Мне показалось, бабка шептала: «Жопу не щипало, жопа не болела, жопу не щемило». Возможно, на самом деле это были слова: «Чтобы не щипало, чтобы не болело, чтобы не щемило». Но тогда я остановился на первом варианте и, доведенный зудом, зло подумал: «У самой у тебя – жопа! Пошла ты!» Вечером залез в ванну, отмыл корку и запретил себе волноваться, просто выбросив из головы все, что тревожило. Не знаю, как это у меня получилось, но уже через день зуд уменьшился, а вскоре прошел совсем. Некоторое время на месте ран были заметны темные пятна, постепенно сошедшие. Теперь зуд возвращается, когда я перестаю себя контролировать и близко к сердцу начинаю принимать то, что со мной происходит. Мне пришлось обернуть себя коконом спокойствия, никому не позволяя его разрушать. Может быть, мы и с женой расстались потому, что я не мог себе разрешить сильно волноваться.

На следующий день Наташка сообщила мне, что нашла работу.

Две недели прошли в ожидании мною ее отъезда. Я стал чуть более суров, чтобы у нее не возникло ненужных иллюзий. Я хотел, чтобы она оставила меня одного, но не хотел расставаться с ней навсегда. Мне нужна была женщина, которая бы время от времени утешала меня ночами, давая возможность избавиться от напряжения.

Вечерами мы продолжали беседы о жизни. Наташка все больше рассказывала о своих мечтах. Например, начинала описывать, какая у нее будет квартира. В этих описаниях почему-то без труда угадывалось мое жилье, только, разумеется, капитально отремонтированное. То она планировала взять в кредит машину.

– Наташа, с твоими доходами в кредит тебе дадут в лучшем случае самокат! – я пытался спустить ее с небес на землю.

Еще она рассказывала о том, что когда-нибудь выйдет замуж, что муж будет старше, умнее, опытнее ее, будет предостерегать от ошибок и поддерживать в жизни. Они станут любить друг друга, зимой вместе отдыхать, желательно на зарубежных курортах, где только и возможен настоящий отдых и где Наташка ни разу в жизни не была. Эта будущая семья станет жить-поживать и добра наживать. А летом будут проводить отпуск в поселке у Наташки, гулять по улочкам под завистливыми взглядами соседей.

– А о чем мечтаешь ты? – спросила она, но я не мог ей поведать о своих планах на тихое одиночество, прерываемое время от времени визитами гурий.

– Почему бы тебе не жениться снова?

Я и ждал, и не ждал этого вопроса. Сам себе я не раз на него отвечал, но не видел смысла выворачивать душу перед Наташкой. Ответил коротко:

– Денег нет.

– Деньги появятся, если ты поймешь, для чего они тебе нужны! – принялась она меня убеждать. – Тебе просто сейчас денег не надо, тебе на жизнь хватает. А если женишься и потребуются деньги на ремонт, ты удивишься, но деньги обязательно откуда-нибудь придут!

Я раскричался. Меня бесит ничем не оправданный оптимизм, вдуваемый в уши проповедниками идеологии общества потребления. Наташка прервала мой крик:

— А тебе не кажется, что отсутствие денег — просто отговорка? А на самом деле ты женщин боишься.

— Я? Боюсь? Ну что мне тебя бояться?

Наташка улыбнулась:

— Ты боишься связывать свою жизнь со мной или любой другой женщиной. Этот страх появился из-за первой неудачи в браке, я так думаю.

А я не спрашивал ее, как она думает. Мне плевать на ее мысли. Боюсь не боюсь, не ее дело. Пусть уже сматывается поскорее!

Наташка получила работу продавца в отделе крупного магазина. Она продавала мобильные телефоны. У здания, где располагался магазин, был хозяин, предприниматель и депутат Арельского законодательного собрания. Вовремя подсутившись, он сумел получить в аренду от города несколько крупных магазинов и теперь жил, сдавая торговые площади арендаторам. Одним из арендаторов стал поставщик мобильных, открывший сеть магазинов и отделов в разных уголках города. Он принимал на работу молодежь, обещая карьерный рост в развивающейся сети и хорошие зарплаты, зависевшие, правда, от объема выручки. Как выяснилось позднее, обещая большую зарплату, он лукавил, но все же денег у Наташки хватило на то, чтобы снять комнату в одном из общежитий, стоявших на окраине Арельска.

Наташка рассказывала о новой работе, о мальчике Валере, который оказался ее партнером в магазине. Я не очень внимательно вслушивался в эти рассказы, а через две недели помог ей перевезти сумку к новому месту жительства и пожелал дальнейших успехов. Наташка еще и еще благодарила меня за участие в ее судьбе, спросила:

— Можно мне иногда навещать тебя?

— Нужно, Наташа! Обязательно нужно! — сказал я радостно и попрощался.

Тогда я думал, что наши тесные отношения завершились, можно ставить точку и искать новую подругу, лучше прежней. Но я поспешил. За три месяца Наташа навещала меня больше десятка раз, и далеко не всегда эти встречи несли только радость и покой.

Через неделю Наташка появилась у меня, дрожа и всхлипывая, она даже не позвонила предварительно, о чем мы договаривались. За

это я ей попенял. После, конечно. А тогда попытался успокоить, отпить чаем. Оказалось, к ней стал клеиться мальчик Валера, и она не то чтобы пошла ему навстречу, но согласилась пару раз погулять после работы. На второй раз он пообещал показать ей весь Арельск с крыши самого высокого дома, и она хоть и боялась, но не стала его обижать. Когда они оказались на крыше этого дома, Валера сиял, а Наташка, стоя за ним, взглянула на город и закричала от ужаса. Мне она потом объясняла, что нечто мрачное, иррациональное захватило ее мозг. Она кинулась обратно к люку, почти прыгнула в него, хорошо, что ноги не сломала о пол лестничной площадки, мигом пронеслась шестнадцать пролетов и не помнила, как добежала до меня. Она была растрепана, дышала, будто убегала от тысячи дьяволов. Я помнил, что высоты Наташка боялась с тех самых пор, когда ее уронил пьяный отец.

Не знаю, что подумал и сказал ей после Валера, но работать в этом магазине Наташка больше не стала.

Вскоре она оказалась в ларьке на рынке, которым владел некий Вагиф. Наташка не распространялась насчет их отношений, но в один прекрасный вечер также заявила с просьбой спасти ее. Оказалось, она чудом сбежала с какой-то блат-хаты, где Вагиф требовал, чтобы она отдавала неведомый долг, оказывая сексуальные услуги его клиентам и друзьям. Слава богу, за месяц до этого мне пришлось писать материал для руководителя местной диаспоры народа, к которому принадлежал Вагиф. Я позвонил этому аксакалу и напомнил о его словах, что, дескать, все они как братьев воспринимают местных жителей, чтят наши северные обычаи и не намерены вступать в какие бы то ни было конфликты. Я был предельно корректен. Сказал, что искренне верю в его расположение, но вот произошел такой прискорбный случай, и мне не хотелось бы, чтобы в городских газетах появились материалы, способные омрачить отношения между народами. А соответствующие материалы я мог обеспечить, подключив коллег. Думаю, не отказали бы. Аксакал согласился, выразил ответное сожаление по поводу прискорбных исключений и пообещал принять все меры для того, чтобы конфликт был улажен. Через час мне позвонил Вагиф, сообщил, что пробле-

мы больше нет, и попросил передать Наташе, что ее всегда с удовольствием и скидкой обслужат в той точке на рынке, где она работала.

Следующий приход Наташки не был столь экстремален. Она шутила, смеялась моим остроумам, была нежна. А потом рассказала, что получила предложение выйти замуж.

Это была романтическая история. Наташка сидела в кафе с Витей, когда ей позвонил Петя, оказавшийся в двух шагах. Они договорились встретиться, хотя она сказала, что не одна.

Петя вновь был с букетом. Увидев коллегу, попросил того удалиться. Витя заспорил, кажется. Стал высмеивать товарища, пришедшего будто предложение делать. Слово за слово, они поспорили, Витя, огорченный поведением товарища, бросил оскорбительное слово в адрес Наташки. Началась драка, которую прекратил охранник, выставив обоих за дверь. Наташка побежала следом, пытаясь то ли разнять мальчишек, то ли защитить Петю. Кончилось тем, что Витя ушел, а Петя, сидя в том же кафе, запрокинув голову, поскольку из носа шла кровь, сделал Наташке предложение.

Наташка отказала.

Я ее ругал. Я говорил:

— Наташка, ты дура! Это хороший мальчик, который готов из-за тебя лезть в драку. Иди за него. Ты будешь счастлива.

— Не буду! — упиралась Наташка.

— Почему?

— Можно согласиться с тем, что предлагает жизнь, и потом все время кусать локти. А можно вытерпеть, дождаться того, чего хочешь, и быть до конца жизни счастливой!

Я не мог не признать, что она права. Только одно сомнение у меня есть. А что, если так и не получишь, чего хочешь?

— И чего же ты хочешь? — спросил я. — Надеюсь, не того, чтобы предложение тебе сделал я?

Наташка молчала, пыталась перевести разговор на другие темы, но в конце концов я все же вытащил из нее тихое: «Нет!»

Я демонстративно выдохнул: «Уф!», будто избавился от опасности. Самого меня в тот момент грыз червь сомнения, я думал, не должен ли все-таки оставить Наташку у себя, не это ли доброе дело требуется от меня в жизни. Но ее же слова о терпении и достижении цели прототвратили этот поступок.

Потом Наташка приходила пьяная. Мне не интересна пьяная женщина, о чем я ей сказал, и она стала приходить реже. Однажды позвонила ночью, попросила приехать в арт-кафе, к этому времени превращавшемуся в неформальный клуб знакомств, и заплатить за нее не очень крупную сумму. Оказалось, она проводила вечер в кафе, когда к ней подошел некий симпатичный, по ее словам, молодой человек и предложил угостить вином и мороженым. Она согласилась. Молодой человек пил вино, отлучался, а вскоре заприметил девушку, которая, как я понял, была из тех, кто ищет здесь недолгую любовь. Она под села за их столик, парень делал заказы вновь и вновь, но уже почти не обращая внимания на Наташку. А потом вдруг и кавалер, и его новая пассия куда-то исчезли. Счет же принесли Наташке, и она безрезультатно пыталась объяснить, что не имела к парочке никакого отношения, ведь заказывал молодой человек сразу на троих. Мне пришлось одеться и пойти ее выручать, благо, идти было недалеко.

Потом, поутру, я не выдержал и высказал Наташке все, что думал о ее потертой зеленой курточке, растянутой кофте и джинсах, которые она носила всю осень и уже добрую часть такой же сырой, бессолнечной и бесснежной зимы. Про себя я подумал, что вот так же критиковала мой старый костюм жена, и усмехнулся.

Наташка вспомнила Алесю, всегда покупавшую один гламурный глянцевоый журнал и утверждавшую, что черпает идеи для своего образа именно в нем.

Моя подружка появилась у меня спустя неделю. На ней были нелепые розовые колготки в черную сеточку, рыжие сапоги и пальтишко березового цвета — белое с черными полосками.

— Что это? — спросил я. — Если ты будешь валяться на улице, тебя примут за весенний сугроб, из которого торчат розовые трубки! Где ты это купила?

— Ну, в бутике.

— В каком бутике? — закричал я. — Кто тебе это насоветовал?

Наташка испугалась моего крика и растерянно ответила:

— Я видела почти такой же наряд в журнале... А бутик, знаешь, недавно поставили фургончик возле рынка. На нем написано «Бутик».

Я давно так не ржал, хотя мне было очень жаль наивную дурочку...

С тех пор Наташка приходила все реже. Она не говорила, но я догадывался, что она пьет и занимается поисками счастья, которое все ускользает и ускользает от нее. Иногда я видел ее в барах, где бываю крайне редко. В таких случаях я старался скорее уйти. Встретил в шалмане «Шестидесятые годы». Миша Барабанов однажды сострил: «Кафе «Шестидесятые годы» борется за звание «Семидесятые годы». Хорошая шутка для выросших в эпоху социалистических соревнований. Наташка сидела рядом с каким-то мужиком в кожаной косухе. Перед ними на столике стояли восемь пустых пивных бутылок, а в больших пластмассовых стаканчиках еще хватало на несколько глотков. Я ушел, а потом, когда Наташка в очередной раз явилась в мой дом в расстроенных чувствах, спросил об этом мужике.

— Я его почти не знаю, — ответила она. — Просто пива вместе выпили, у нас ничего не было.

Наташка просила денег. Пришлось отдать ей гонорар за статью о хлебном заводе, полученный от Миши Барабанова. Расплачиваясь, Миша просил передать привет Наташке. Я не стал уточнять, помнит он ее по встрече в арт-кафе или они успели пересечься где-то еще.

Пряча купюры, Наташка обещала отдать долг, как только сможет.

Наконец сегодняшним утром я увидел ее на скамейке.

Я не знал, что мне делать. И будить не хотел, и оставить не мог. Когда она зашевелилась и я понял, что она жива, я поднялся и хотел быстрее скрыться. Но Наташка уже увидела и узнала меня.

Она заулыбалась и заплакала одновременно:

— Я знала, что ты меня не бросишь!

Мог ли я уйти после этого? Довел ее к себе, сбегал за минералкой и пивом, чтоб полечить ее, когда проснется.

Тс-с! Кажется, просыпается. Слышишь, зовет меня? Тебе пора. Вставай, давай я повешу тебя на прежнее место в прихожей, вновь буду только смотреться в тебя, причесываясь по утрам и перед выходом из дома, и на какое-то время перестану разговаривать с тобой, рассказывая истории своей жизни. Прощай до следующего раза, когда я опять останусь один.

— Иду, Наташа!

□

Вениамин Алексеевич СЛЕПКОВ

родился в 1969 году в Петрозаводске.

Окончил Петрозаводский государственный университет.

Член Союза журналистов с 1991 года.

Работал корреспондентом, заведомом, редактором в газетах Карелии.

В настоящее время — редактор отдела публицистики журнала «Север».

Один из авторов книги «История строительства в Карелии» (2007 г.).

Автор книги стихов «Старый лешак» (2009 г.),

книги литературной критики «Жить в эпоху перемен» (2011 г.).

Повесть «Верная Наташка» — первый опыт в крупной прозе.

